

очарование

САРА МАКЛЕЙН

Возлюбленная
герцога



Очарование (АСТ)

Сара Маклейн

Возлюбленная герцога

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Маклейн С.

Возлюбленная герцога / С. Маклейн — «Издательство АСТ»,
2020 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-133129-0

Доверять нельзя никому – в этом Грейс Кондри убедилась на собственном горьком опыте, когда ее совсем еще ребенком бросил единственный человек, которого она любила. Однако Грейс не погибла... Темные лондонские трущобы стали ее новым домом, а опасные люди дали ей приют. Теперь она по праву слывет королевой воров и бродяг, холодной и беспощадной. Эван, герцог Марвик, десять лет провел в поисках Грейс, которую не забывал ни на минуту. Возможно, он и сам был виноват в том, что их разлучила судьба – однако теперь он готов любой ценой загладить свою вину перед единственной женщиной, которую хотел бы видеть своей женой. Он жаждет примирения, Грейс же – только мести. Однако когда случай вновь сводит их вместе, прекрасная преступница вдруг понимает: любовь к Эвану, которую она так старалась убить в себе все эти годы, жива по-прежнему...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133129-0

© Маклейн С., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сара Маклейн

Возлюбленная герцога

© Sarah Trabucchi, 2020

© Перевод. И. В. Зырина, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

*Посвящается мятежным девочкам
Особенно моим*

Глава 1

Бергси-Хаус

Резиденция герцога Марвика

Прошлое

Так смеяться мог только он. Единственный в мире.

И пусть она совсем ничего не знала о жизни за пределами этого места. Она никогда не уходила слишком далеко от огромного особняка, скрытого в двух днях пути на северо-восток от Лондона в спокойной сельской местности Эссекса, где пологие зеленые холмы превращались в пшеничные поля, когда осень незаметно накрывала землю.

Не имело значения, что она не знакома с шумом города или с запахами океана. Или что не слышала другого языка, кроме английского, или не видела спектаклей, или не внимала оркестру.

Не имело значения, что ее мир ограничивался тремя тысячами акров плодородной земли, способной похвастаться лишь шерстистыми белыми овцами, огромными тюками сена да сообществом людей, с которыми ей не разрешалось разговаривать, для которых она оставалась практически невидимой, ее существование должно было сохраниться в тайне любой ценой.

Девочка, нареченная герцогом Марвиком. Запеленутая в дорогие кружева, предназначенные для нескончаемой династии герцогов; умасненная маслами, которые полагались лишь самым привилегированным обитателям Бергси-Хауса. Получившая перед Господом мальчишеское имя и титул, в то время как человек, не являвшийся ее отцом, платил слугам и священникам за молчание и поддельные документы. Герцог лелеял планы заменить незаконнорожденную его женой дочь одним из своих сыновей-бастардов, родившихся в один день с девочкой от женщин, не бывших его герцогинями. Единственный путь продолжить династию герцогства... подлог.

Обрекал эту бесполезную девчонку, младенца, мяукавшего на руках у няньки, на убогую жизнь, полную мучительного одиночества, в мире, одновременно таком большом и таком маленьком.

А затем, год назад, прибыл *он*. Двенадцати лет от роду – огонь и энергия. Высокий, худощавый и уже такой умный и хитрый, и прекраснее его она никого не встречала – белокурые волосы, слишком длинные, падавшие на яркие янтарные глаза, которые хранили тысячу тайн, и тихий, едва слышный смех. А главное: он был из другого, неведомого ей мира. И смеялся так, как никто на свете. Она это знала точно, хотя широкий мир был так далеко от нее, что она даже представить не могла его границ.

А он мог.

Он любил рассказывать ей о нем. И предавался именно этому в тот день после обеда – один из драгоценных, улученных моментов между махинациями и манипуляциями герцога, украденный день перед вечером, когда человек, державший в своих руках их будущее, мог вернуться, чтобы насладиться мучениями троих своих сыновей. Но сегодня, в этот спокойный день, когда герцог был далеко, в Лондоне, занимаясь тем, чем обычно занимаются герцоги, их квартет упивался счастьем там, где они могли его обрести – среди диких земель имения.

Она больше всего любила западный край территории, так далеко от особняка, что о нем можно было забыть, пока не напомним. Великолепная роща деревьев, стремившихся в небо, по одну сторону которой журчала небольшая речушка, скорее даже ручей. Когда она была младше, он подарил ей столько уединенных часов, дней, недель, и беседы с водой оставались единственным, на что она могла рассчитывать.

Но здесь и сейчас она не была одинокой. Ее окружали деревья, и пятна солнечного света заливали землю, где она лежала на спине, утомившись после стремительного бега через луга, и хватала ртом воздух, напоенный ароматом дикого тимьяна.

Он сидел рядом с ней, прижавшись бедром к ее бедру, грудь его тяжело вздымалась и опускалась. Он сверху вниз смотрел ей в лицо.

– Почему мы всегда приходим сюда?

– Мне здесь нравится, – просто ответила она, подставляя лицо солнцу; сердце потихоньку замедляло свой бешеный ритм, и она вглядывалась сквозь листву деревьев в высокое небо, игравшее в прятки у нее над головой. – И тебе бы понравилось, не будь ты все время так серьезен.

Воздух в этом спокойном месте словно переменялся, сгустившись от правды: они не просто дети, тринадцатилетние, беззаботные. Они выживали только благодаря сосредоточенности и осторожности. Выживали только благодаря недетской серьезности.

Но сейчас она об этом забыла. Только не здесь, где последние летние бабочки плясали в лучах лившегося сверху света, наполняя воздух волшебством, от которого все худшее отступало. Поэтому она сменила тему:

– Расскажи мне о нем.

Он не стал спрашивать, о чем именно. Ему не требовались пояснения.

– Опять?

– Опять.

Он повернулся, а она подобрала юбки так, чтобы он мог лечь рядом, как делал не одну дюжину раз. Сотни раз. Устроившись на спине, заложив руки за спину, он заговорил. И слова его замирали под пологом из листьев.

– Там никогда не бывает тихо.

– Из-за телег, гремящих по булыжникам.

Он кивнул.

– Деревянные колеса грохочут, но дело не только в них. Еще слышны крики из таверн, и разносчики на базарных площадях хвалят свой товар. На складах лают собаки. На улицах бранятся. Я любил забираться на крышу дома, в котором жил, и делать ставки на уличные драки.

– Вот почему ты так хорошо дерешься сам.

Он едва заметно пожал плечом.

– Я всегда думал, это станет лучшим способом помочь моей маме. Пока...

Он замолчал, но она уже слышала все остальное. Пока бедняжка не заболела, а герцог не поманил сына титулом и состоянием. Она повернулась и посмотрела на него: непроницаемое лицо и стиснутые зубы, невидящий взгляд вверх, в небо.

– Расскажи мне про ругательства.

Он негромко, удивленно рассмеялся.

– О буйстве сквернословия. Это тебя особенно занимает.

– Раньше я и не знала, что существует ругань.

До того как мальчики стихийно ворвались в ее жизнь, грубые и все переворачивающие вверх дном, сквернословящие и такие чудесные.

– Ты имеешь в виду, до Дьявола.

Дьявол, при крещении нареченный Девоном, один из двух его сводных братьев, рос в приюте для мальчиков, о чем ярко свидетельствовала его речь.

– Он оказался очень полезен.

– Да. Сквернословие. Особенно в доках. Никто не ругается так, как матрос.

– Назови мне самое лучшее, какое ты только слышал.

Он искоса глянул на нее.

– Нет.

Ладно, позже она попросит Дьявола.

– Тогда расскажи про дождь.

– Это Лондон. Там все время идет дождь.

Она толкнула его плечом.

– Расскажи мне хорошее.

Он улыбнулся, и она тоже, потому что обожала, когда он ей потакал.

– Дождь делает камни на мостовой скользкими и блестящими.

– А ночами они становятся золотыми из-за огней таверн, – подсказала она.

– Не только таверн. Театр на Друри-лейн. Фонари, что висят перед домами терпимости.

Дом терпимости – место, где оказалась его мать после того, как герцог отказался ее содержать, когда она решила родить его сына. Там этот сын и родился.

– Чтобы прогонять темноту, – негромко произнесла она.

– Темнота не так уж и плоха, – сказал он. – Просто дело в том, что у людей в ней нет другого выбора, как только драться за то, что им необходимо.

– И они это получают? То, что им необходимо?

– Нет. Они не получают ни того, что им нужно, ни того, чего заслуживают. – Он помолчал, затем прошептал, обращаясь к пологу из листьев, словно тот был по-настоящему волшебным: – Но мы все это изменим.

Она не пропустила мимо ушей это «мы». Не только он. Все они. Четверка, заключившая договор, когда мальчиков доставили сюда для этого безумного состязания, – тот, кто победит, защитит остальных. А затем они вместе сбегут из этого проклятого места, этого ристалища умов и мускулов, которое устроил их жестокий родитель в жажде получить наследника, достойного герцогства.

– Однажды ты станешь герцогом, – негромко сказала она.

Он повернулся и посмотрел на нее.

– Однажды один из нас станет герцогом.

Она помотала головой и заглянула в его блестящие янтарные глаза, так похожие на глаза его братьев. И на глаза отца.

– Победишь ты.

Он долго молча смотрел на нее, затем спросил:

– Откуда ты знаешь?

Она сжала губы.

– Просто знаю.

Козни старого герцога с каждым днем становились все изощреннее. Дьявол в точности соответствовал своему имени – огонь и ярость, бьющие через край. А Уит слишком маленький. Слишком добрый.

– А если я этого не хочу?

Нелепейшая мысль.

– Конечно, хочешь.

– Титул должен принадлежать тебе.

Она не сдержалась и коротко, диковато рассмеялась.

– Девочки не становятся герцогам.

– Тем не менее вот она ты, наследница.

Но наследницей она не являлась. Она была плодом внебрачной связи ее матери, рискованного предприятия, задуманного для того, чтобы произвести на свет незаконного наследника для жестокого мужа, навеки запятнав его драгоценную семейную династию – единственное, что его вообще когда-либо волновало.

Но вместо сына герцогиня родила дочь, а значит, не наследника. Девочка стала временным заменителем. Закладкой в старинном экземпляре «Книги пэров Берка». И все они это знали.

Проигнорировав его слова, она сказала:

– Это не имеет значения.

И это действительно не имело значения. Победит Эван. Он станет герцогом, и это все изменит.

Он пристально посмотрел на нее.

– Ладно, когда я стану герцогом. – Он произнес это шепотом, словно если бы сказал вслух, то проклял бы братьев и сестру. – Когда я стану герцогом, то буду защищать и оберегать нас всех. Нас и всех в Гардене. Я заполучу его деньги. Его могущество. Его имя. Уйду отсюда и никогда не оглянусь. – Его слова словно кружили вокруг них, отражаясь от деревьев, долго, пока он не спохватился: – Не его имя, – прошептал он. – Твое.

Роберт Мэтью Каррик, граф Самнер, наследник герцога Марвика.

Стараясь не поддаваться охватившим ее чувствам, она проговорила как можно более непринужденно:

– Ты вполне можешь присвоить это имя себе. Оно совсем новенькое. Я им никогда не пользовалась.

Хоть ее и объявили наследницей, доступа к имени она не получила.

Много лет назад она была вообще никем, ее называли «девочка», «девица», «юная леди». Однажды, когда ей исполнилось восемь, в доме работала горничная, которая называла ее «голубушка», и ей это очень нравилось. Но через несколько месяцев горничная уволилась, и девочка опять превратилась в пустое место.

До тех пор, пока не появились они – трио мальчиков, сумевших разглядеть ее, и среди них вот этот, который не просто ее видел, но еще и понимал. И они давали ей сотни имен: «Бегунья» – за то, как стремительно она носилась через поля, «Рыжик» – за ее огненные волосы, «Мятежница» – за то, как она набрасывалась на их отца. И она откликалась на все, хотя знала, что это вовсе не ее имена, но после приезда мальчишек это ее совершенно не волновало. Потому что, пожалуй, ей их хватало.

Потому что для них она не была пустым местом.

– Прости, – прошептал он со всей искренностью.

Для него она была кем-то.

Они какое-то время продолжали смотреть друг другу в глаза, чувствуя, как их, словно одеялом, окутывает правда, затем он кашлянул и отвел взгляд, разорвав связь, перекатился на спину, снова устался на деревья в вышине и произнес:

– Как бы там ни было, моя мама говорила, что любит дождь, ведь только тогда она видела в Ковент-Гардене драгоценные камни.

– Обещай взять меня с собой, когда будешь уезжать, – прошептала она в тишину.

Он сжал губы в твердую линию. Обещание словно было написано у него на лице, внезапно сделавшимся куда старше, чем полагалось по возрасту. Кивнул один раз. Решительно. Уверенно.

– И я позабочусь, чтобы у тебя были драгоценные камни.

Она тоже перекатилась на спину, юбки разметались по траве.

– Смотри же, не забудь, – поддразнила его. – И золотые нити для всех моих платьев.

– Да я закидаю тебя целыми катушками!

– Уж пожалуйста, – сказала она. – И еще мне нужна камеристка, укладывать волосы в прическу.

– Не слишком ли ты капризна для деревенской девочки? – поддразнил он.

Она повернулась к нему и широко улыбнулась.

- У меня была целая жизнь, чтобы обдумать все требования.
- Думаешь, ты уже готова к Лондону, деревенская девочка?
- Улыбка превратилась в насмешливую гримасу.
- Думаю, я отлично справлюсь, городской мальчик.

Он рассмеялся, и этот редкий звук заполнил все пространство вокруг них, согревая ее. И в это мгновение что-то произошло. Кое-что странное, и непонятное, и чудесное, и удивительное, как предзнаменование. Этот смех словно отворил ее существо, как не могло сделать ничто другое. Внезапно она почувствовала его. Не просто его тепло рядом, где они соприкасались от плеча до бедра. Не просто то местечко, где рядом с ее ухом лежал его локоть. Не просто прикосновение его пальцев к волосам, когда он вытаскивал из них упавший лист. Всего его. Ровное его дыхание. Его уверенную неподвижность. И этот смех... его смех.

- Что бы ни случилось, поклянись, что ты меня не забудешь, – негромко произнесла она.
- Мы всегда будем вместе.

Она покачала головой:

- Люди уходят.

Он наморщил лоб, и она услышала в его голосе силу:

- Я не уйду. Не смогу.

Она кивнула. И все-таки...

- Иногда это не твой выбор. Иногда люди просто...

Его взгляд потеплел – он понял, что она имела в виду свою мать. Он подкатился к ней, и теперь они оказались лицом к лицу, подперев щеки согнутыми руками, достаточно близко, чтобы делиться секретами.

- Она бы осталась, если бы могла, – твердо произнес он.

– Ты этого не знаешь, – прошептала она, неожиданно ощутив, как от этих слов защипало в носу. – Я родилась, а она умерла и оставила меня с человеком, который мне не отец, и он дал мне имя, которое вовсе не мое, и я никогда не узнаю, что могло бы быть, останься она жива. Я никогда не узнаю...

Он ждал. Всегда такой терпеливый, словно мог ждать вечность.

- Я никогда не узнаю, любила бы она меня.
- Она бы тебя любила. – Ответ последовал мгновенно.

Девочка покачала головой и закрыла глаза, желая ему поверить.

- Она даже не дала мне имени.
- Она бы дала. И это было бы очень красивое имя.

Убежденность в его голосе заставила ее открыть глаза и встретить его взгляд, уверенный и твердый.

- Не Роберт, нет?

Он не улыбнулся. Не засмеялся.

– Она дала бы тебе только твое имя. Которого ты заслуживаешь. Она вверила бы тебе титул.

Он прошептал понимающим голосом:

- Я бы точно так сделал.

И тогда все остановилось. Шуршание листвы наверху, крики братьев у ручья, неспешное течение дня, и в этот миг она знала, что он готов преподнести ей дар, какого она даже вообразить себе не могла.

Она улыбнулась ему, чувствуя, как колотится в груди сердце.

- Скажи мне.

Она хотела увидеть это у него на губах, уловить в его голосе, услышать собственными ушами. Она хотела получить это от него, зная, что после этого уже никогда не сможет его забыть, даже если он ее покинет.

И он преподнес ей этот подарок:
– Грейс.

Глава 2

Лондон

Осень 1837

– За Далию!

В ответ послышались разноголосые приветствия, и толпа, собравшаяся в главном зале дома номер 72 по Шелтон-стрит (элитном клубе и тщательно хранимом секрете самых умных, искушенных и эпатажных женщин Лондона), разом повернулась, чтобы выпить за его владелицу.

Женщина, известная под именем Далия, остановилась у подножья центральной лестницы и оглядела обширное помещение, уже плотно забитое членами клуба и гостями, несмотря на ранний час. Затем улыбнулась собравшимся широкой, сияющей улыбкой.

– Пейте же, красавицы мои, вас ждет ночь, которую вы непременно запомните!

– Или забудем! – послышался залихватский ответ из дальнего конца комнаты.

Далия мгновенно узнала голос, принадлежавший одной из самых веселых лондонских вдовушек – маркизе, в свое время вложившей немалую сумму в номер 72 по Шелтон-стрит и любившей его больше собственного дома. Здесь веселой маркизе предоставлялось уединение, какого она никогда не могла получить на Гросвенор-сквер. Ее любовникам тоже обеспечивалась полная приватность.

Гости, все в масках, разом рассмеялись, и Далия почувствовала себя свободной от всеобщего внимания на время, достаточное, чтобы рядом с ней появилась ее помощница, Зева. Высокая, гибкая, темноволосая красotka всегда была рядом с самых первых дней существования клуба и справлялась со всеми тонкостями дела, обеспечивая исполнение любых капризов дам, членов клуба.

– Уже толпа, – сказала Зева.

Далия взглянула на часы, украшавшие ее запястье.

– Скоро гостей будет еще больше.

Час был ранний, всего лишь начало двенадцатого; большая часть Лондона только-только смогла улизнуть с утомительных обедов и чопорных танцев, ссылаясь на мигрени... При этой мысли Далия усмехнулась, зная способность посетительниц своего клуба пользоваться мнимой слабостью прекрасного пола, чтобы добиваться желаемого незаметно для светского общества.

Они заявляют о своей слабости и играют на этом, – призывая кучеров к черному входу в дом, меняя свои респектабельные наряды на нечто куда более возбуждающее, сбрасывая личины, которые носят в своем мире, и примеряя другие маски, другие имена, другие желания – все, что им взбредет в голову, – вдалеке от Мейфэра.

Вскоре все они придут сюда, заполнив дом номер 72 по Шелтон-стрит до отказа, чтобы насладиться тем, что предлагает им клуб в любую ночь года – общением, удовольствием и властью, – в особенности в третий четверг каждого месяца, когда женщинам не только со всего Лондона, но и со всего мира предлагается познать свои глубочайшие желания.

Это регулярное событие, известное под названием «Доминион» (или «господство»), представляло собой не то бал-маскарад, не то неистовый разгул, не то казино и было в высшей степени конфиденциальным. Придуманное для того, чтобы подарить членам клуба и их доверенным спутникам ночь, исполненную наслаждения... каким бы рискованным это наслаждение ни было.

У Доминиона имелось единственное, главное кредо: выбор леди.

Далия ничто так не любила в жизни, как возможность обеспечить женщинам доступ к наслаждению. К прекрасному полу относились вовсе не прекрасно, и ее клуб существовал, чтобы исправить это.

С момента своего появления в Лондоне двадцать лет назад она добывала деньги десятками разных способов. Мыла посуду в грязных пабах с сомнительной репутацией и промозглых театрах. Делала фарш в пирожковых, гнула металл на ложки и никогда не получала за работу больше пары пенни. Очень быстро она поняла, что дневная работа не окупается.

И это вполне ее устраивало, потому что она никогда не годилась для работы днем. От ночных горшков и мясных пирожков желудок ее выворачивало наизнанку, работа с металлом расплосовывала ладони на ленточки. Она нашла работу цветочницы, где торопилась до темноты освободить корзинки от быстро увядающих букетов, и продержалась там два дня. А затем лоточник с рынка Ковент-Гардена заметил, насколько ее взгляд наметан на покупателя, и предложил ей торговать фруктами.

Этим она занималась неделю, а после он хуком слева швырнул ее в опилки за то, что она случайно уронила ярко-красное яблоко. Поднявшись, она отправила в опилки его самого и стремглав помчалась прочь с рынка, унося с собой в подоле целых три яблока, стоивших больше, чем ей обещали за недельную работу.

Это событие оказалось достаточно значимым, чтобы привлечь внимание одного из самых известных боксеров Гардена. Диггер Найт находился в постоянном поиске высоких девушек с хорошенькими личиками и крепкими кулаками. «Головорезы – это хорошо, – говаривал он, – но толпу завоевывают красотки». В Далии он нашел и то и другое.

Ее отлично выучили.

Бои не были дневной работой. Они были работой ночной и оплачивались соответственно.

Хорошо оплачивались. И это было гораздо лучше, в особенности для девушки из ниоткуда, преисполненной гнева и понимания, что ее предали. Она не обращала внимания на боль после ударов и быстро привыкла к тому, что наутро после боя кружится голова... а потом научилась угадывать, откуда нанесут удар и как избегать ударов по-настоящему опасных. И никогда не оглядывалась назад.

Навсегда забросив цветы и фрукты, Далия стала торговать своими кулаками, как в честных боях, так и в грязных. А когда увидела, какие деньги приносят последние, она продала свои волосы изготовителю париков из Мейфэра, который занимался оптовыми закупками в Гардене. Длинные волосы означали слабость... и плохо сказывались на бизнесе девчонки-бесперчаточницы.

Коротко стриженная длинноногая пятнадцатилетка стала легендой в самых темных уголках Ковент-Гардена. Девушкой с худощавой, жилистой фигурой и неожиданно мощным ударом – таким, познакомиться с которым на темной улице не пожелает ни один мужчина; особенно опасной, когда по обе стороны от нее шагали двое юношей, дравшихся с молодой звериной яростью, уничтожавшей любого, рискнувшего сразиться с ними.

Вместе они зарабатывали деньги почти играючи и строили свою империю – Далия и двое мальчишек, быстро ставших мужчинами, ее двое братьев, если и не по крови, зато по духу и сердцу. Бесперчаточники. И это трио торговало своими кулаками до тех пор, пока необходимость в этом не отпала... До тех пор, пока они не сделали непобедимыми. Несокрушимыми. Королями.

И только тогда королева Далия построила себе замок и назвала его своим – больше ей не требовалось ни заниматься цветами или яблоками, ни торговать волосами или кулаками.

А своим подданным она предложила единственную великолепную вещь: выбор. Не такой, какой когда-то предлагался ей – зло меньшее или большее, – а выбор, позволявший женщинам осуществлять свои мечты, фантазии и наслаждения, причем высокой пробы.

Женщины желали, Далия обеспечивала.

И Доминион был ее праздником.

– Вижу, ты оделась как раз по случаю, – заметила Зева.

– Разве? – вскинув бровь, отозвалась Далия. Ее алый корсет идеально подходил к черным брюкам, плавно облежавшим роскошные изгибы фигуры, а сверху она надела длинный жакет с искусной вышивкой в черных и золотых тонах, с подкладкой из роскошного золотистого шелка.

Она редко носила юбки, находя свободу, которую давали брюки, куда более полезной при ее роде деятельности, не говоря уже о том, что они красноречиво свидетельствовали в пользу ее роли владелицы самых потаенных секретов Лондона и королевы Ковент-Гардена.

Помощница искоса глянула на нее:

– Скрытность тебе не идет. Я знаю, где ты провела последние четыре дня. И шелка с бархатом ты там не носила.

У колеса рулетки, находившегося рядом, раздались бурные веселые возгласы, избавив Далию от необходимости отвечать. Она повернулась, глядя на толпу, отметила широкую улыбку женщины в маске, анонимной для всех, кроме владелицы клуба – та как раз притянула к себе Томаса, своего компаньона на эту ночь, и победительно поцеловала его. Томас с готовностью ответил, и они крепко обнялись под свист и ликующее «ура» окружающих.

Никто в Мейфэре никогда бы в это не поверил – там считалось, что она скромная фиалка, обреченная вечно подпирать стенку на балах и теряющая дар речи, когда к ней обращается мужчина. Выбранные маски даровали тем, кто их надевал, бесконечное могущество.

– Леди распалается? – спросила Далия.

– Третий выигрыш подряд. – Разумеется, Зева внимательно за этим следила. – Ну, и про Томаса нельзя сказать, что он охлаждает ее пыл.

Далия едва заметно улыбнулась.

– От тебя ничего не ускользнет.

– Ты не зря мне так хорошо платишь. Я замечаю все, – ответила та. – Включая твое местонахождение.

Далия посмотрела на свою помощницу и подругу и негромко произнесла:

– Только не сегодня ночью.

Зеве было что сказать, но она промолчала. Вместо ответа помахала рукой группке женщин в масках, которые что-то оживленно обсуждали в другом конце комнаты.

– Завтрашняя резолюция провалится.

Все эти особы были женами аристократов, в основном намного умнее своих мужей и вполне способные (скорее даже куда более способные) занять их места в палате лордов. Отсутствие мантий совершенно не мешало этим дамам принимать и отменять законы, и занимались они этим тут, в приватной обстановке, незаметно для Мейфэра.

Далия удовлетворенно взглянула на Зеву. Это решение поставило бы проституцию и прочие формы сексуальной деятельности в Британии вне закона. Последние три недели Далия провела, убеждая упомянутых дам, что они (и их мужья) должны обратить внимание на эту резолюцию и сделать так, чтобы она не прошла.

– Превосходно! Она не годится для женщин, преимущественно для женщин бедных.

Она не годится для Ковент-Гардена, и Далия ничего подобного не допустит.

– Как и весь остальной мир, – произнесла Зева голосом сухим, как песок. – У тебя уже готов билль, который пройдет вместо нее?

– Дай время, – ответила Далия, пока они шли через комнату к длинному коридору, в сумраке которого укрылись несколько пар. – Ничто не движется так медленно, как парламент.

Зева, шагавшая позади, негромко фыркнула.

– Мы с тобой знаем, как ловко ты манипулируешь парламентом. Они должны выделить тебе место.

Коридор вел в большое, светлое помещение, заполненное гостями. В одном его конце располагался небольшой оркестр, игравший задорную мелодию для собравшихся, многие из которых самозабвенно танцевали – никаких семенящих шажков, никакого положенного рас-

стояния между парами, никаких внимательных глаз, ожидающих скандала... точнее, если они и наблюдали, то ради удовольствия, а не порицания.

Далия с Зевой пробирались сквозь толпу, стараясь держаться ближе к стенам, прошли мимо мускулистого мужчины, подмигнувшего им; в это время женщина, которую он держал в объятиях, поглаживала его могучую грудь – казалось, что швы на его фраке вот-вот лопнут. Оскар, еще один здешний служащий – его работа заключалась в удовлетворении дам.

Несколько присутствовавших тут мужчин, не состоящих в штате заведения, были зараннее тщательно отобраны, проверены и перепроверены при помощи обширной агентурной сети Далии, которая состояла из деловых женщин, аристократок, жен политиков и еще дюжины дам, обладавших наиболее высокоорганизованным видом власти: информацией.

Оркестр ненадолго умолк. К сцене пробиралась певица, молодая мулатка с голосом высоким, как сами небеса, и достаточно сильным, чтобы отозваться в каждом уголке зала. Этот голос заставил разгоряченных танцоров замереть, пока она выводила трели, поднимаясь все выше и выше, исполняя великолепную арию, которая произвела бы фурор в театре на Друри-лейн.

Послышались восхищенные возгласы.

– Далия.

Далия обернулась и увидела леди в ярко-зеленом и в изящной маске в тон. Настасия Критикос, легендарная греческая оперная певица, прежде срывавшая бешеные аплодисменты по всей Европе. Она тепло обняла Далию и кивнула в сторону сцены.

– Эта девушка. Где ты ее нашла?

– Еву? – На губах Далии заиграла легкая улыбка. – На рыночной площади, она пела там за еду.

Темная бровь изумленно взлетела вверх.

– Разве не этим же она занимается сегодня?

– Сегодня она поет за тебя, мой старый друг.

И правда, молодая женщина пела ради того, чтобы ей позволили принять участие в Доминионе, ведь именно так несколько других талантливых певиц получили известность и славу.

Настасия метнула оценивающий взгляд на сцену, где Ева как раз воспроизводила невероятно виртуозный пассаж.

– Это был твой конек, верно? – сказала Далия.

Приятельница ухмыльнулась.

– Это и сейчас мой конек. Исполнение Евы я бы совершенным не назвала.

Далия тонко улыбнулась. Оно было совершенным, и они обе это знали.

Тяжело вздохнув, дива махнула рукой.

– Передай юному дарованию, пусть завтра придет ко мне. Я кое-кому ее представлю.

Девушка выйдет на настоящую сцену прежде, чем успеет это осознать.

– У тебя такое мягкое сердце, Настасия.

Карие глаза под зеленой маской заблестели.

– Если расскажешь кому-нибудь, я сожгу это место дотла.

– Твоя тайна в надежных руках. – Далия усмехнулась. – Питер о тебе спрашивал.

И сказала чистую правду. Помимо того, что Настасия была признанной лондонской знаменитостью, мужчины клуба считали ее желанным призом.

Певица приосанилась.

– Конечно, спрашивал. Полагаю, я могу уделить ему часик-другой.

Далия засмеялась и кивнула Зеве.

– В таком случае, мы его тотчас же отыщем.

Разобравшись с этим, она двинулась дальше, проталкиваясь сквозь толпу, собравшуюся, чтобы послушать певицу, которая скоро станет знаменитой, и оказалась в небольшом зале, где

обычно с большим азартом играли в фараон. Далия ощущала разлившееся в воздухе возбуждение и буквально упивалась им. Самые могущественные женщины Лондона собрались тут ради собственного удовольствия.

И все это благодаря ей.

– Нам придется искать новую певицу, – ворчала Зева, пока они пробирались мимо играющих.

– Ева вряд ли захочет вечно служить низкопробным развлечением во время наших вакханалий.

– Все же мы могли бы подержать ее подольше.

– Для этого она слишком талантлива.

– У тебя слишком мягкое сердце, – послышался ответ.

– ...взрыв.

Далия замедлила шаг, услышав отрывок разговора, и встретила взглядом с горничной, которая несла поднос с шампанским группе сплетничающих дам. Едва заметный кивок дал понять, что та тоже внимательно слушает. Ей за это платили, и весьма недурно.

И все же Далия приостановилась.

– Я слышала, двое. – Одна из дам просто захлебывалась от восторга. Далия с трудом сдержала гнев. – Я слышала, они нанесли огромный ущерб докам.

– Да, и вообрази, погибли только двое.

– Чудо. – Голос прозвучал приглушенно, словно сплетница искренне верила в то, что говорила. – А раненые есть?

– В «Ньюс» написано: пятеро.

Шестеро, мысленно уточнила Далия, скрипнув зубами. Сердце ее заколотилось.

– Ты слишком пристально на них смотришь, – мягко произнесла Зева, отвлекая Далию. Что нового можно узнать у этих кумушек? Она примчалась в порт всего через несколько минут после взрыва. Она знает счет.

Ее взгляд скользнул мимо Зевы, поверх толпы. В противоположном конце комнаты таилась маленькая дверка, петли которой скрывались в драпировках насыщенного сапфирового цвета, расшитых серебряными нитями. Даже члены клуба, видевшие, как персонал проходил сквозь эту незаметную дверь, забывали о ней прежде, чем она успевала захлопнуться, не придавая ей ровно никакого значения.

Однако Зева знала правду. Эта дверь отворялась на черную лестницу, ведущую вверх, в приватные апартаменты, и вниз, в туннели под клубом, одну из полудюжины лестниц, расположенных в доме номер 72 по Шелтон-стрит, но единственную, что вела в частный коридор на пятом этаже, скрытый за фальшивой стеной, о существовании которого знали только трое служащих.

Далия с трудом поборола желание скрыться за этой дверью.

– Нам очень важно понимать, что в городе думают про взрыв.

– Там думают, что Бесперчаточники потеряли двоих докеров, корабль и весь груз целиком. И что подругу твоего брата едва не убили. – Пауза. Затем довольно колко: – И они правы.

Далия проигнорировала замечание.

– И что мне им сказать?

Далия искоса глянула на помощницу:

– Кому?

Зева указала подбородком в сторону лабиринта помещений, которые они уже миновали.

– Твоим братьям. Что мне им сказать?

Далия негромко выругалась и окинула взглядом толпу; слишком много народу. У входа в комнату немолодая графиня как раз заканчивала рассказывать грязный анекдот для нескольких своих поклонников:

– ...морковка отправляется в задний садик, милый!

Раздался взрыв восхищенного смеха. Далия снова повернулась к Зеве:

– Господи Иисусе, их же тут нет, правда?

– Нет, но мы же не сможем вечно держать оборону.

– Постараться-то можем.

– Кое в чем они правы...

Далия прервала ее острым взглядом и резко ответила:

– Давай об этом я буду волноваться.

Зева снова дернула подбородком в сторону потайной двери:

– А как насчет этого?

Далию омыло жаркой волной; она бы непременно покраснела, если бы относилась к женщинам, которые способны краснеть. Она взяла себя в руки.

– И это тоже предоставь мне.

Черная бровь Зевы изогнулась. Помощница явно имела про запас еще не один аргумент, однако сочла за лучшее лишь коротко кивнуть.

– В таком случае я пригляжу тут за всем.

Она повернулась и пошла прочь, рассекая толпу, оставив хозяйку одну.

Одну – чтобы та нажала потайную панель в двери, приводя в действие щеколду, и плотно закрыла ее за собой, отрезав какофонию звуков.

Одну – чтобы подняться вверх по узкой лестнице спокойным, ровным шагом, не совпадавшим со все ускоряющимся биением сердца. Третий этаж. Четвертый.

Одну – отсчитывать двери в коридоре пятого этажа.

Первая. Вторая. Третья.

Одну – открыть четвертую дверь слева и закрыть ее за собой, укутавшись в темноту достаточно густую, чтобы стереть всякие воспоминания о шумной вечеринке внизу. Мир сузился до одной этой комнаты, до единственного окна, выходящего на крыши Ковент-Гардена, до скудной мебели: маленький столик, жесткий стул, единственная кровать.

Одну – в этой комнате.

Одну – с мужчиной, без сознания лежащим в этой кровати.

Глава 3

Его спасли ангелы.

Взрывом его подбросило в воздух и зашвырнуло в тень доков. В воздухе он извернулся, но ударом ему выбило плечо, и левая рука беспомощно повисла. Говорили, что вывих причиняет телу самую мучительную боль, а герцогу Марвику пришлось пережить это дважды. Дважды он с трудом поднимался на ноги – голова шла кругом. Дважды пытался побороть боль. Дважды искал место, где можно спрятаться от врага. И дважды его спасли ангелы.

В первый раз она была добра, со свежим личиком, непослушной копной рыжих кудряшек, тысячью веснушек на носу и щеках и такими огромными карими глазами, каких он сроду не видел. Она нашла его в буфете, куда он спрятался, приложила палец к губам и держала его за здоровую руку, пока кто-то вправлял ему сустав. От боли он потерял сознание, а когда очнулся, она все еще была рядом, как солнечный свет, с нежными прикосновениями и нежным голосом.

И он в нее влюбился.

На этот раз ангелы, спасшие его, не были нежными, и они ничего не пели. Они надвинулись на него с силой и мощью, в скрывавших лица капюшонах, полы пальто трепетали у них за спинами, как крылья, башмаки стучали по булыжникам. Они явились вооруженными, как небесные воины, клинки у них в руках превратились в мечи, пылающие в отсветах корабля, горящего в доках – уничтоженного по его команде вместе с женщиной, которую любил его брат.

На этот раз ангелы были солдатами, явившимися, чтобы покарать, а не спасти.

И все же это казалось избавлением.

Когда они приблизились, он поднялся на ноги и приготовился встретить их лицом к лицу, принять от них любую кару. Поморщился от боли в ноге, на которую до тех пор не обращал внимания – в бедро воткнулась щепка от мачты уничтоженного транспортника, и всю ногу залило кровью. Драться он уже не мог.

Когда они подошли на расстояние удара, он потерял сознание.

И тогда на него обрушился кошмар. Не звери с их жестокостью, не ужасные острейшие зубы. Гораздо хуже.

В снах Эвана властвовала она.

Он сутками грезил о ее прикосновениях, о прохладной ладони на лбу. О ее руке, поднимающей ему голову, чтобы напоить горькой жидкостью из поднесенной ко рту чашки. О ее пальцах, поглаживающих измученные болью мышцы, облегчающих острую боль в раненой ноге. О том, первом ангеле много лет назад.

Он почти приходил в себя – дюжину раз, сотню дюжин. Но и это превращало сон в кошмар – страх, что прохладной ткани у него на лбу нет. В ужас, что нет никаких нежных прикосновений к ране, когда меняют повязку, что вкус горького питья, поданного ее руками, – всего лишь плод его воображения. Что неторопливое смазывание ран целебным бальзамом – всего лишь лихорадочный бред.

И ему всегда грезилось, что прикосновения остаются надолго даже после того, как мазь впитывается – нежные и неспешные, что руки гладят его грудь, скользят по телу ниже, изучают неровности. Ему всегда грезилась ее губы на его лбу. На щеке. В уголке рта.

Ему всегда грезилась ее рука в его руке: пальцы переплелись, ее ладонка тепло прижалась к его ладони.

Именно сны превращали все это в кошмары – в мучительное понимание того, что он все вообразил. Что это не она. Что она не настоящая. Что он не сможет ответить на ее прикосновение. На поцелуй.

И он лежал там, желая уснуть, снова и снова пережить этот кошмар в надежде, что сознание подарит ему последнее – ее голос.

Но этого не случилось. Прикосновения не сопровождалось словами, ласка – голосом. И эта тишина причиняла боль куда более мучительную, нежели раны.

До той ночи, когда ангел заговорил, а ее голос показался коварным оружием – долгий вздох, а затем тихо и насыщенно, как теплое виски: «Эван».

Как возвращение домой.

Он очнулся.

Открыл глаза. Все еще ночь – опять ночь? ночь навеки? – в темной комнате, и первой мыслью пришла та, с которой он просыпался вот уже двадцать лет. «Грейс».

Девушка, которую он любил.

Та, которую он потерял.

Та, на поиски которой он потратил полжизни.

Литания, которая не исцелит никогда. Благословение, которое никогда не спасет, потому что он никогда ее не отыщет.

Но здесь, в темноте, мысль настигла его жестче, чем обычно. Настойчивее. Как воспоминание – с призрачным прикосновением к руке. Ко лбу. К волосам. Она пришла с голосом, что произнес ему на ухо: «Эван».

«Грейс».

Какой-то звук, едва слышный. Шуршит ткань?

Вспыхнула надежда, суровая и неприятная. Он прищурился, вглядываясь в темноту. Черное на черном. Тишина. Пустота.

Воображение.

Это не она. Ее тут быть не может.

Он провел рукой по лицу. От движения тупо заныло плечо – это ощущение оставалось с ним много лет. Его плечо было тогда выбито из сустава, а затем вправлено на место. Он попытался сесть, и бедро словно пронзило кинжалом – туго перебинтованное, уже начавшее заживать. Он стиснул зубы, пережидая боль, хотя она отвлекала его от другого, куда более привычного страдания. Того самого, вызванного утратой.

В голове быстро прояснялось, и он понял: уходящее головокружение было вызвано настоящей опия. Сколько времени он находился под ее действием?

Где он?

Где она?

Не в этом мире. Они сказали ему, что она умерла.

Преодолевая боль, всегда возникавшую при этой мысли, он потянулся к низкому столику у кровати, пытаясь нащупать свечу или огниво, и уронил стакан. Звук жидкости, льющейся на пол, напомнил ему, что на свете существует слух.

И тут он сообразил, что слышит то, чего видеть не может.

Какофонию приглушенных звуков, криков и смеха где-то неподалеку – прямо под этой комнатой? – и громогласные вопли откуда-то издалека – снаружи здания? Внутри, но на большом расстоянии? Низкий рокот толпы – нечто такое, чего он никогда не слышал в местах, где пробуждался обычно. Такое, что он едва припоминал. Но вместе со звуками пришло воспоминание, очень издалека, откуда-то из глубины прожитого.

И впервые за двадцать лет человек, известный всему миру, как Роберт Мэтью Каррик, двенадцатый герцог Марвик, испугался. Потому что услышанное им не принадлежало миру, в котором он вырос.

Это был мир, где он родился.

Он, Эван, сын дорогой куртизанки, из-за беременности слегка – или даже совсем не слегка – потерявшей в статусе и ставшей одной из достойнейших шлюх Ковент-Гардена.

Он встал, ступил в темноту, нащупывая стену, и нашел дверь. Ручку.

Заперта.

Ангелы спасли его и перенесли в запертую комнату в Ковент-Гардене.

Ему не требовалось пересекать комнату, чтобы выяснить, что находится снаружи – крыши домов под наклонными сланцевыми плитками и кривые трубы на них. Мальчишка, родившийся в Ковент-Гардене, никогда не забудет его звуков, как бы ни старался. Но он все равно проковылял к окну и откинул занавеску.

Шел дождь, тучи закрывали луну, не давая Эвану разглядеть мир снаружи. Отказывая ему в этом, заставляя слушать звуки.

Ключ в замке.

Он повернулся, весь напрягшись, ожидая противника. Двоих. Изготовился к бою. Он находился в состоянии войны многие месяцы – годы, целую жизнь – с людьми, что правили Ковент-Гарденом, где герцогам никто не был рад. По крайней мере тем герцогам, которые угрожали их жизни.

И не имело значения, что он их брат.

И для него тоже, ведь они лишились его доверия, не сумев уберечь единственную женщину, какую он когда-либо любил.

И за это он будет сражаться с ними до конца времен.

Дверь отворилась, он сжал кулаки и перенес вес на ноги (бедро пронзило болью), готовясь встретить удар. Готовясь ответить своим ударом, для этого ему хватит силы.

И застыл на месте. В коридоре было не намного светлее, чем в комнате, но все же он разглядел фигуру. Не снаружи. Внутри. Не входящую. Выходящую.

Когда он пришел в себя, в комнате кто-то был. В тени. Он не ошибся, но то были не его братья.

Сердце заколотилось в груди, неистово и отчаянно. Он помотал головой, пытаясь прояснить мысли.

Женщина в тени. Высокая. Худощавая и сильная, в брюках, плотно обтягивавших невероятно длинные ноги. Кожаные сапоги заканчивались выше колен. И пиджак, позаимствованный из мужского гардероба. Женственности придавала лишь золотая отделка, слегка поблескивающая в темноте.

Золотая нить.

Прикосновение не было призрачным. И голос – тоже.

Он шагнул в ее сторону, уже потянувшись, отчаянно тоскуя по ней. Ее имя вырвалось из его уст, прогремев, как колеса по разбитым булыжникам:

– Грейс.

Краткий вдох. Едва слышный. Едва случившийся.

И все же явный.

Теперь он знал.

Она жива.

Дверь захлопнулась, и она исчезла.

Его рев сотряс потолочные балки.

Глава 4

Грейс повернула ключ в замке с молниеносной скоростью и едва успела выдернуть его из замочной скважины до того, как дверная ручка задергалась – попытка побега.

Нет. Не побега. Погони.

Раздался вопль, гневный и страдальческий. В нем слышалось и еще что-то.

Вслед за криком послышался глухой удар. Она узнала его сразу. Кулаком по дереву, достаточно сильно, чтобы испугать до смерти.

Только она не испугалась. Вместо этого прижала руку к двери, распластала ладонь и затаила дыхание, дожидаясь.

Ничего.

«А если он ударит снова, что тогда?»

Пронзенная этой мыслью, она резко отдернула руку.

Он не должен был очнуться. То количество опия, каким его напоили, могло уложить и медведя. Достаточно, чтобы удерживать его одурманенным до тех пор, пока его плечо и нога не будут готовы к нагрузкам. Пока он не будет готов к бою с ней.

Но она видела, как он, не колеблясь, поднялся с кровати, а это значило, что раны заживают быстро. Что мускулы его наливаются прежней силой.

А она хорошо знала эти мускулы. Хотя и не должна была.

Она намеревалась вести себя как можно более отстраненно. Обработать раны и ухаживать за ним лишь для того, чтобы выгнать его – наказать так, как он этого заслуживал с того самого дня два десятка лет назад, когда он разрушил все их жизни, а в первую очередь – ее собственную.

Она планировала эту месть долгие годы, оттачивая мастерство и вынашивая ярость, и была готова свершить правосудие.

Но совершила ошибку. Прикоснулась к нему.

Он был таким неподвижным, и таким сильным, и так отличался от мальчика, которого она когда-то оставила, и все же... в угловатом лице, в том, как его слишком длинные волосы упали ему на лоб, в изгибе губ и размахе бровей так много прежнего. У нее просто не оставалось выбора.

В ту первую ночь она убеждала себя, что, пересчитывая ребра на его плоском теле, ошупывая впадины и выступающие мышцы, она всего лишь ищет раны. Он был слишком худым для своей крупной фигуры, словно почти ничего не ел и мало спал.

Словно был слишком занят, разыскивая ее.

Она не могла найти оправданий тому, что изучала его лицо, разглаживала брови, восхищаясь гладкостью кожи на щеках, ошупывая щетину на подбородке.

Она не могла сказать, почему словно составляла перечень изменений в нем, тех, что превратили мальчика, которого она любила, в мужчину – сильного, угловатого и опасного.

И завораживающего.

Он не должен быть завораживающим. А она не должна любопытствовать.

Она его ненавидит.

Двадцать лет он ее преследовал, угрожая ее братьям. В конце концов сумел причинить вред и мужчинам, и женщинам Ковент-Гардена, которых Бесперчаточники обещали оберегать.

И это превратило его в ее врага.

Поэтому он не должен быть завораживающим.

А она не должна прикасаться к нему.

И любоваться его телом не должна, слушать ровное дыхание, не отрывая взгляда от щетины на подбородке, от изгиба губ... их мягкости...

Половицы в запертой комнате скрипнули – он наклонился.

Она попятилась, прижалась к противоположной стене коридора, достаточно далеко – он не сможет ее увидеть, когда посмотрит в замочную скважину. Именно он научил ее пользоваться замочными скважинами когда-то давно, когда она была еще настолько мала, что верила, будто запертая дверь означает конец истории.

Она уставилась на крохотную черную пустоту под дверной ручкой, полностью захваченная безумным воспоминанием о другой двери. Об ощущении другой ручки в ладони, о прохладе красного дерева, к которому она прижалась лбом, глядя в замочную скважину тогда, целую жизнь назад.

О крошечной тьме внутри.

О вкусе металла на губах, когда она, прижавшись ртом к замочной скважине, прошептала внутрь: «Ты здесь?»

Двумя десятками лет позже она все еще чувствовала, как колотилось сердце, когда она прижалась ухом к этому таинственному отверстию, пытаясь услышать то, чего не могла увидеть. Все еще ощущала свой страх. Панику. Отчаяние.

А затем, из пустоты...

«Я здесь».

Надежда. Облегчение. Радость, когда она повторила его слова:

«Я тоже здесь».

Молчание. А потом...

«Тебе тут не место».

«Что за чушь».

Куда еще ей идти?

«Если тебя тут увидят...»

«Не увидят».

Никто никогда ее не замечал.

«Не надо рисковать».

Риск. Это слово стало для них всеобъемлющим. Разумеется, тогда она этого не знала. Тогда она знала только, что когда-то было время, когда она ни за что не стала бы рисковать в этом огромном, холодном имении, расположенном во многих милях от всего на свете. В этом доме, предоставленном ей герцогом, которому, как ей говорили, она должна быть благодарна. В конце концов, она была незаконно рождена герцогиней от другого мужчины.

Ей повезло, говорили ей, что он не отослал ее сразу после рождения в какую-нибудь деревенскую семью. А то и куда похуже.

Как будто существование вдали от мира, без друзей, семьи и будущего – это не хуже.

Как будто она не жила в постоянном ожидании, что однажды ее время закончится. Что она исчерпает свое предназначение. Как будто не знала, что однажды наступит день, когда герцог вспомнит о ее существовании. И избавится от нее.

И что тогда?

Она рано и прочно усвоила, что девочки – бросовый материал. Они не представляют никакой ценности и ими всегда можно пожертвовать. Значит, лучше держаться в стороне от чужих глаз и ушей. Выживание – вот что стало ее предназначением. И в нем не было места риску.

До тех пор, пока не появился он вместе с двумя другими мальчиками, его сводными братьями – и все они бастарды, как и она. Нет. Не как она.

Мальчики.

И поскольку они мальчики, они бесконечно более ценные, чем она.

Она совсем забыла о том, как родилась – девочка, незаконная дочь другого мужчины, недостойная внимания и даже собственного имени. Ценная лишь тем, что вообще появилась на свет, став временной заменой сыну.

Заменой *ему*.

И все же она рисковала ради него. Только бы быть рядом. Быть рядом со всеми ними, тремя мальчиками, которых она полюбила, каждого по-своему. Двое из них стали братьями ее сердца, хоть и не по крови, и без них она бы, пожалуй, не выжила. А третий... он. Мальчик, без которого она бы, пожалуй, и вовсе не жила.

«Не...»

«Что?»

«Не уходи. Останься».

Она этого хотела. Она хотела остаться навеки.

«Никогда. Я никогда не уйду. До тех пор, пока ты не сможешь уйти со мной».

И она не ушла... до тех пор, пока он не лишил ее выбора.

Вспомнив все это, Грейс покачала головой.

За двадцать лет она научилась жить без него. Но сегодня она в ловушке: он находился здесь, и каждое мгновение его присутствия в клубе угрожает всему, что построила она, Грейс Кондри, непревзойденная деловая женщина, влиятельная персона, руководитель одной из двух наиболее развитых агентурных сетей Лондона.

Он был уже не мальчиком, с которым они когда-то перешептывались через замочную скважину.

Теперь он был герцогом. Герцогом Марвиком и ее пленником. Богатым, могущественным и достаточно безумным, чтобы обрушить стены – и весь ее мир.

– Даля...

Снова Зева. Голос с легким акцентом доносился откуда-то издалека.

Грейс покачала головой. Разве она не ясно дала понять, чтобы Зева не смела следовать за ней?

Что, черт побери, она сделала?

– Что, черт побери, ты сделала?

А. Вот о чем Зева ее предостерегает.

Грейс закрыла глаза, услышав в темноте голос брата, а мгновение спустя открыла их, отвернулась от запертой двери и зловеще затихшего пленника, и зашагала по узкому коридору, жестом призывая брата к молчанию.

– Не здесь.

Наткнулась на взгляд Зевы, мрачный и чересчур пронизательный. Не обращая внимания, сказала:

– Возле этой комнаты надо поставить охрану. Чтобы никто не зашел внутрь.

Кивок.

– А если он выйдет?

– Не выйдет.

Понимающий кивок, и Грейс зашагала навстречу брату, стоявшему у темного входа на черную лестницу.

– Не здесь, – повторила она, заметив, что он опять собрался заговорить. Девону всегда есть что сказать. – В моем кабинете.

Его черная бровь раздраженно взлетела вверх, послышался быстрый стук трости, с которой он не расставался. Брат махнул рукой в сторону лестницы, и Грейс первой стала подниматься на верхний этаж, где располагались ее личные комнаты, соединенные с конторой, откуда она правила своим королевством.

– Тебе не следовало бы здесь появляться, – негромко произнесла она, пока они прокладывали себе путь в темноте. – Ты же знаешь, я не люблю, когда ты приближаешься к моим клиенткам.

– А ты знаешь не хуже меня, что твои утонченные леди просто мечтают хотя бы одним глазком взглянуть на короля Ковент-Гардена. Им просто не нравится, что теперь у меня есть королева.

Далия насмешливо фыркнула.

– По крайней мере это – правда, – сказала она, стараясь не обращать внимания на то, как колотится ее сердце, и зная не хуже Девона, что весь этот разговор забудется сразу же, как только они войдут в ее апартаменты.

– Где моя невестка? – Она отдала бы все на свете, лишь бы Фелисити со своим здравым смыслом оказалась сейчас здесь, отвлекая Дьявола от его цели.

– В доме Уита, приглядывает за его леди, – ответил он, когда они подошли к дверям апартаментов.

Она оглянулась, положив руку на дверную ручку.

– А сам Уит не приглядывает за своей леди, потому что он...

Девон указал подбородком на дверь.

– Черт подери, Дев!

Он пожал плечами.

– А что я должен был сделать? Встать на его пути? Тебе повезло, что я смог уговорить его подождать здесь, пока я тебя разыскиваю. Он рвался лично обшарить все здание.

Грейс сжала губы в тонкую ниточку и распахнула дверь. Мужчина, находившийся внутри, уже шел ей навстречу, огромный, разгневанный.

Едва они вошли в комнату, Грейс захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, притворяясь, что откровенное неистовство брата не выбило ее из колеи. За те двадцать лет, что она знала его, с тех пор, как они сбежали, оставив позади общее прошлое, и заново создали себя, став Бесперчаточниками, Далия ни разу не видела Уита разъяренным. Видела только, как он карал провинившихся, холодно и беспощадно, но лишь после того, как «прогорал весь бикфордов шнур» длиной с саму Темзу.

Однако стоило ему влюбиться...

– Где он, черт бы вас всех побрал?

Грейс не стала делать вид, что не поняла.

– Внизу.

Уит зарычал – негромко, гортанно, как дикий зверь, готовый к прыжку, и только по этому грозному звуку было понятно: он ее услышал. Известный всему Ковент-Гардену как Зверь, он пребывал в отчаянном напряжении всю ночь, точнее всю неделю с момента, как взрывом в доках (дело рук Эвана) едва не убило Хэтти.

– Где?

– Заперт.

Он взглянул на Дьявола:

– Правда?

Брат пожал плечами:

– Не знаю.

Господи, избави ее от несносных братьев.

Уит посмотрел на нее:

– Это правда?

– Нет, – растягивая звуки, протянула Грейс. – Он внизу пляшет джигу.

Уит упорствовал:

– Ты должна была сказать нам, что он здесь.

– Зачем? Чтобы ты смог его убить?

– Именно.

Она дерзко посмотрела ему в глаза:

– Ты не можешь его убить.

– Да мне плевать на его титул! – воскликнул Уит, всем своим видом демонстрируя, что он и есть Зверь, как его называет весь Лондон. – Я раздеру его на части за то, что он сделал с Хэтти!

– И тебя за это вздернут, – отрезала Далия. – Какая польза от этого будет твоей любимой?

Он взревел от досады, повернулся к массивному письменному столу, стоявшему в углу и заваленному кипами деловых бумаг клуба – досье нынешних членов, бульварные газетенки со сплетнями, счета и письма. Уит одним движением руки смел со стола большую стопку заявлений на вступление в клуб, и бумаги разлетелись по всей комнате. Далия запротестовала:

– Эй! Это моя работа, ты, болван неуклюжий!

Зверь запустил руки в волосы и повернулся к ней, не обращая внимания на ее возмущение:

– Он едва не убил мою девочку. Она могла... – Он замолчал, не желая произносить страшное слово вслух. – И это после того, как он оставил Дьявола замерзать насмерть! После того, как чуть не убил тебя много лет назад. Господи, вы все могли...

У Грейс сердце сжалось в груди. Уит всегда их защищал. Отчаянно стремился уберечь их, даже когда был для этого слишком маленьким и тощим. Она кивнула.

– Знаю. Но мы все здесь, а твоя леди идет на поправку.

Он хрипло, прерывисто выдохнул.

– Это единственная причина, почему мой кинжал еще не вонзился ему в брюхо.

Далия кивнула. Он заслужил отмщения. Все они заслужили. И она собиралась помочь братьям. Но не так.

Дьявол заговорил, не отходя от двери. Он стоял там, прислонившись к стене, обманчиво небрежно скрестив длинные ноги.

– А ты почему-то остаешься спокойной, Грейс. Похоже, хочешь, чтобы он остался жив.

Понимая, куда он клонит, она прищурилась.

– Женщинам не дарована роскошь впадать в бешенство.

– Говорят, ты на него пялишься, просто пожираешь глазами.

Вот тут ее действительно захлестнул гнев, пальцы вцепились в красный шарф, обмотанный вокруг талии.

– Кто говорит? – Уит не ответил, и она повернулась к Дьяволу: – Кто это говорит?

Дьявол неспешно дважды ударил тростью в пол.

– Признай, очень странно, что ты его лечишь. Зева сказала, ты все делаешь сама. Буквально оттащила его от смертного порога. Отказалась звать доктора. – Он бросил многозначительный взгляд на ее заваленный бумагами письменный стол. – А пока ты с ним нянчишься, клубные дела только копятся.

Грейс нахмурилась.

– Во-первых, Зева слишком много болтает. – Братья никак не отозвались, и она добавила: – Во-вторых, мой стол всегда так выглядит, и вам это известно. И в-третьих, чем больше людей будет знать, что он здесь, тем меньше шансов, что он понесет заслуженное наказание.

Вот так. Вот почему она промывала его раны. Почему трогала его лоб, опасаясь жара. Почему замарала в темноте, прислушиваясь к его ровному дыханию.

Только и всего.

И это не имеет никакого отношения к прошлому.

– Чем больше народу будет знать о том, что он здесь, тем более опасен он для всех нас, – добавила она.

– Он и так опасен для всех нас, – сказал Дьявол.

Вспыхнули досада и раздражение. Брат произнес это так тихо и спокойно, словно говорил о прибытии в порт очередного судна с грузом. Она знала, что он говорит правду. Знала также, что удерживать герцога Марвика в плену на пятом этаже номера 72 на Шелтон-стрит – не самый разумный образ действия.

– Назови мне одну убедительную причину, по которой я не должен убить его после всего, что он натворил. После того, что он сделал с Дьяволом. После Хэтти. После грузов, которые он погубил. Людей, на которых напал. Тех, которые не выжили. Пять человек. Гарден требует его крови.

Уит перечислял все это хриплым голосом, а Грейс не могла сдержать изумления. Она не слышала, чтобы он произносил так много слов за один раз, с тех пор как... да, пожалуй, никогда.

У Дьявола, как и у нее, тоже изумленно расширились глаза, но он быстро пришел в себя.

– Он прав, Грейс. Мы заслужили право прикончить его.

Она помотала головой:

– Нет.

Мускул на щеке Дьявола дернулся, и ужасный шрам побелел.

– Значит, эти основания для тебя недостаточно серьезные.

Она крепко сжала губы. Мысли разбежались из-за досады, страха и злости – и тянувшегося два десятилетия отчаянного желания расплатиться по счетам. И тогда она произнесла:

– Потому что больше всего он отнял у меня.

Наступило напряженное молчание, но его коротким ругательством нарушил Уит. Далия повернулась к Дьяволу, высокому и жилистому, с этим его жутким шрамом, оставленным рукой Эвана.

– Не так давно мы вместе с тобой стояли в доках, и ты это сам сказал, братец. Он отнял у меня больше, чем у вас.

Дьявол долго молча смотрел на нее, постукивая тростью по сапогу.

– Ну и? За это ему достается твоя забота? Нежное внимание женщины, которую он любит?

– Да пошел ты, – бросила она. – Он меня не любит.

Две пары янтарных глаз уставились на нее.

Сердце ее заколотилось.

– Не любит.

Нет ответа.

– То, что он ко мне чувствует... никогда не было любовью.

И не имеет значения, как они это называли, когда детьми играли в мягкую, добросердечную версию чувств – юных, свежих и слишком сладких, чтобы быть настоящими. В то, чего им не было суждено достичь, став взрослыми.

Ей очень хотелось, чтобы братья оставили эту тему.

И каким-то чудом они это сделали.

– А дальше-то что? – спросил Уит. – Мы его отпустим, и он просто уйдет? Назад в Мей-фэр? Только через мой труп, Грейс. Мне плевать, что он там у тебя отнял. Мы ждали этого дня много лет, и будь я проклят, если он вернется к той жизни, которую украл.

– Ты меня не так понял, – ответила она. Два десятка лет назад, когда Эван их предал, они поклялись поквитаться, если он когда-нибудь начнет на них охотиться. Она и сама это пообещала, когда старалась вылечить их. – Вы не единственные, кто пообещал отомстить. Я тоже была с вами.

Уит со сломанными ребрами, Девил с рассеченным лицом. Грейс с разбитым сердцем, и что еще хуже – с утраченной верой в людей.

– И ты думаешь, тебе хватит силы, чтобы выполнить свое обещание, Грейс? – низким, мрачным голосом спросил Уит.

Грейс опустила руку, запуталась пальцами в шарфе на талии.

– Я знаю, что хватит.

Послышался краткий стук в дверь, словно ставя точку в клятве.

– Мстить буду я. – Она посмотрела на Зверя. – За это я готова драться с вами обоими, и вам не понравится исход.

Снова молчание – двое самых опасных мужчин в городе обдумывали ее слова. Девон первым выразил согласие. Удар тростью. Короткий кивок.

Уит прорычал гортанно:

– Если ты не...

– Я сделаю это, – поклялась она.

В дверь снова постучали, уже громче.

– Войдите, – отозвалась Грейс, и на пороге появилась вторая ее помощница, Вероник.

Если в стенах номера 72 на Шелтон Даляя занималась финансами и деловыми вопросами, а Зева – «внутренней кухней» и требованиями клиенток, то Вероник отвечала за безопасность всего предприятия. И вот сейчас эта чернокожая пантера стояла в дверном проеме, как часовой. Пальто на ней распахнулось, демонстрируя льняную рубашку, плотно облегающие бриджи и высокие, выше колен кожаные сапоги, похожие на те, что носила Грейс.

Экипировку Вероник дополнял пистолет, закрепленный на одном бедре на такой высоте, чтобы вытащить его без малейшей заминки.

Пока еще в кобуре.

Темные глаза отыскали Грейс, взгляд полон решимости.

– Даляя.

Грейс не колебалась ни секунды.

– Где он?

Взгляд Вероник метнулся к Девону и Уиту, затем вернулся к ней.

«Что же она натворила?»

– Он сорвал дверь с петель.

Зверь выругался, уже направляясь к двери. Дьявол стоял, как натянутая тетива в луке.

– Где? – спросила Грейс, бросившись вслед за братом.

Зверь взглянул на Вероник.

– Он сбежал?

На лице Вероник промелькнуло что-то, похожее на обиду.

– Нет. Мы его скрутили. – Она посмотрела прямо в глаза Грейс. – Он в сознании.

По ее лицу промелькнула еще какая-то эмоция, но Грейс не стала задумываться, какая именно.

– Бьюсь об заклад, ему это понравилось, – сказал Дьявол с откровенной усмешкой.

Вероник повернулась к Бесперчаточникам, на ее лице играла широкая улыбка, а в голосе слышался заметный карибский акцент.

– Он сопротивлялся, но мы с ним справились.

– Даже не сомневаюсь, – ответил Дьявол. Охранники номера 72 на Шелтон были лучшими бойцами в Гардене, и все это знали.

Однако радоваться было рано.

– Он звал Грейс. – Имя из уст Вероник прозвучало как чужое. В клубе его никогда не произносили.

Прошлое пришло, чтобы взять свое.

Зверь смерил ее взглядом.

– Он тебя видел.

Она заколебалась. В конце концов, в комнате было темно. И все же...

– Всего мгновение.

«Я к нему прикасалась».

«Не следовало, но я не смогла удержаться».

– И все же я удивлен, что они сумели его скрутить, – заметил Зверь.

– Почему?

– Потому что ты сейчас дала ему то, за что стоит сражаться.

Грейс потребовала объяснений. Она сама все отчетливо понимала.

Вероник нарушила молчание:

– Что нам с ним делать, Далия?

Она не колебалась ни секунды:

– Если он достаточно поправился, чтобы вышибить дверь, значит, он достаточно здоров, чтобы драться.

– Более чем: устроил парням хорошую встряску.

Грейс кивнула.

– Ну, тогда и я готова к встряске. Все закончится сегодня. – Она прошла через кабинет в свои личные комнаты, уже развязывая шарф на талии.

Ее догнали слова Дьявола:

– Мне почти жалко этого ублюдка. Он даже и не поймет, какая сила его убьет.

Глава 5

Она жива.

Даже сейчас, стоя на коленях, с руками, связанными за спиной, с мешком на голове, с мышцами, все еще напряженными после схватки, он оставался поглощенным одной-единственной мыслью.

Она жива, и она от него сбежала.

Его не оглушили во время потасовки; его повалили на пол, потом связали, натянули на голову мешок и приволокли в помещение достаточно большое, чтобы звуки в нем отдавались эхом; где-то вдалеке слышался негромкий шум, неразборчивые звуки. Люди, которые притащили его туда, проверили крепость веревок и ушли. Он чуть не в кровь разодрал запястья, пытаясь разорвать путы, но они не поддавались. Он ждал, а секунды складывались в минуты, затем в четверть часа. В полчаса.

Считать время он научился еще мальчишкой, когда его запирали в темноте, а он ждал возвращения света. Ждал ее возвращения. Поэтому казалось совершенно естественным отсчитывать минуты сейчас, хотя он терзался мыслью, что сейчас, скорее всего, увидит вовсе не ее.

Возможно, он дает ей время сбежать.

И все же страх, что она уже могла сбежать, затмевался невероятным облегчением от мысли, что она жива. Сколько раз братья говорили ему, что она мертва? Сколько раз стоял он в темноте – в Ковент-Гардене, в Мейфэре, в доках – и выслушивал их вранье?

Его братья, сбежавшие из дома их детства, захватив с собой Грейс... Сколько же раз они ему лгали?

«Она уехала на север, – говорили ему они. – Поступила там в горничные. Мы потеряли с ней связь. А потом...»

Сколько раз он испытывал искушение поверить им? Сотни. Тысячи. Начиная с того, первого раза, Дьявол с каждым вдохом повторял ему эту ложь.

А затем, когда он все-таки поверил им, то буквально обезумел от горя. Хотел только одного – покарать их собственными руками, раздавить их своим могуществом. До того самого мига, как поджег лондонские доки, желая смотреть, как они горят, – и это стало наказанием для них за то, что они отняли у него.

Единственного человека, которого он когда-либо любил.

Но она не исчезла.

Жива.

Эта мысль – и покой, пришедший вместе с ней, – изменили самую его суть. Долгие годы он мучительно хотел отыскать ее. Узнать, что у нее все хорошо. Долгие годы он твердил себе, что если бы только увидел собственными глазами несомненные доказательства того, что она счастлива, этого ему хватило бы. А теперь он это знает. С ней все в порядке. Она жива.

Эта единственная, идеальная мысль полностью поглотила его, пока он ждал, не в силах перестать думать о темном силуэте ее фигуры на пороге комнаты, из которой он вырвался. Не в силах перестать изумляться тому, как сильно изменилась девочка, которую он когда-то любил. Тому, как она на него посмотрит сейчас. Снова.

Слева сзади отворилась дверь, и он повернулся в ту сторону. Видеть ему мешал грубый джутовый мешок, надетый на голову.

– Где она?

Нет ответа.

По мере того как незнакомец подходил к нему медленными и ровными шагами, его охватывали неуверенность и отчаяние. Сзади остались и другие. Двое, может быть, трое, но они не приближались. Охрана.

Сердце его лихорадочно заколотилось.

Где она?

Он вытянул шею, повернулся на коленях, не обращая внимания на резкую боль в бедре. Боль – ерунда. Во всяком случае, сейчас.

– Где она?

Никто не ответил, а в дальнем углу помещения закрылась дверь. Наступила тишина, и только те медленные шаги слышались все ближе и ближе, обещая недоброе. Он выпрямился, готовясь к тому, что могло последовать. Учитывая, что он ничего не видит, а движения ограничены, это не предвещало ничего хорошего. Дерзкий незнакомец приближался, и он приготовился к атаке.

Какой угодно физический удар будет ничем по сравнению с его моральными страданиями.

Что, если он потерял ее, едва успев найти?

Эта мысль пронзила его, как крик. Он поежился и внезапно начал задыхаться в мешке, а веревки на запястьях сделались невыносимо тугими. Он выкручивался, дергался, пытался вывернуться, но все без толку.

– Скажите мне, где она!

Вопль тяжело повис в безмолвии, и на какое-то мгновение все замерло, сделалось так тихо и неподвижно, что он подумал: «Меня опять оставили одного». Если он вообще все это себе не вообразил. Если не вообразил ее.

«Пожалуйста, пусть она будет жива. Дайте мне увидеть ее. Всего лишь раз».

И вдруг мешок с его головы сдернули, и он получил ответ на свою дикую молитву.

Он сел на пятки, челюсть его отвисла, словно его только что сильно ударили.

Двадцать лет он мечтал о ней, о самом прекрасном создании на земле. Он представлял, как она повзрослела, как выросла и изменилась, как из девочки превратилась в женщину. И все же оказался к этому не готов.

Да, двадцать лет ее изменили. Но Грейс не превратилась из девочки в женщину. Из девочки она превратилась в богиню.

От той девчушки в ней осталось совсем мало, да и уловить это смог бы лишь тот, кто знал ее тогда. Кто любил ее тогда. Ярко-рыжие детские кудри потемнели, приобрели оттенок меди, хотя остались густыми и непослушными, вихрились вокруг ее лица и плеч, как осенний ветер. Кривой шрамик на брови сделался почти незаметным – разве только знаешь, где его искать. Он заметил. Он был рядом, когда она заработала его, учась драться в лесу. В отместку он вlepил Дьяволу кулаком в лицо, а затем вытер ее кровь рукавом своей рубашки.

И хотя сейчас она смотрела на него бесстрастно, не проявляя никаких эмоций, Эван упивался едва заметными морщинками в уголках ее рта и глаз, морщинками, доказывавшими, что она не разучилась смеяться и часто проделывала это за последние двадцать лет. Кто смешил ее? Почему не он?

Когда-то рассмешить Грейс удавалось только ему. И сейчас, стоя на коленях со связанными запястьями, он отчаянно хотел сделать это снова.

Эта мысль завладела им, когда он смотрел в ее прекрасные карие с черной каемкой глаза, такие же, как в их детстве, только без той искренности, что раньше. Никакого обожания. Никакой любви.

В ее глазах полыхал огонь не любви, но ненависти.

И все же он упивался ею.

Она всегда была высокой, но теперь преодолела свою неуклюжую долговязость и, при шести футах роста, возвышалась над ним, а изгибы ее фигуры заставляли его томиться. Она стояла в невероятном круге света – это место каким-то образом было залито золотистым сиянием, хотя свечей тут точно не хватало. В комнате находились и другие люди – он же слышал,

как они входили, верно? – но он их не видел, да и не пытался увидеть. Он не станет терять время, глаза на других, если может смотреть на нее.

Она повернулась и вышла из круга света.

– Нет!

Она не отозвалась, и Эван задержал дыхание, ожидая ее возвращения. Она вернулась, держа длинную полосу ткани в правой руке. Вторая такая же висела у нее на плече. Она начала методично наматывать ткань на костяшки и запястье левой руки.

И тогда он понял.

На ней были те же брюки, что и раньше, черные, плотно охватывающие ноги – длинные, идеальные. Сапоги из мягкой темно-коричневой кожи, словно обнимающие ее икры, заканчивались примерно в полуфуте над коленями. На носках они потерлись – не настолько, чтобы выглядеть неряшливо, но достаточно, чтобы стало понятно: она носит их регулярно.

Талию обвивали два пояса. Нет. Один пояс и один шарф – алый, прошитый золотыми нитями. Он обещал ей золотые нити тогда, в детстве, когда они мечтали о будущем. Теперь она покупает их сама. Над поясом и шарфом белая льняная рубашка с короткими рукавами, обнажающими руки от пальцев до локтей, даже выше. Рубашка тщательно заправлена в брюки.

Никаких дамских штучек – ленточек или фестончиков. Болтающиеся лоскуты – помеха во время боя.

И пока она тщательно бинтовала запястье, круг за кругом, словно делала это раньше сотни раз, Эван понимал: она пришла сюда драться.

Пусть! Он дал бы ей все, чего она только пожелает.

– Грейс¹, – произнес он, и хотя рассчитывал, что звук его голоса затеряется в опилках, устилавших пол между ними, слово – ее имя, его титул – прозвучало в этом помещении как выстрел.

Она никак не отреагировала. Не вздрогнула, на лице не отразилось и намек на узнавание. Поза не изменилась. И он ощутил шелест чего-то очень неприятного.

– Я слышала, ты сорвал с петель мою дверь, – произнесла она голосом низким, мелодичным, великолепным.

– Я поставил на колени весь Лондон, пока разыскивал тебя, – отозвался он. – Думаешь, дверь могла бы меня сдержать?

Ее брови взлетели вверх.

– Однако ты здесь, сам на коленях, так что, похоже, кое-что все же смогло тебя сдержать?

Он вскинул подбородок.

– Я смотрю на тебя, любимая, значит, меня не смогли удержать вдали от тебя.

Она едва заметно прищурилась – единственный признак того, что он попал в цель. Закончила перевязывать запястье, аккуратно заправила конец банджа и начала обматывать второе. И только тогда, только вновь приступив к размеренным, методичным движениям, заговорила:

– Странно, правда, что мы называем это боями на голых руках, но на самом деле голыми кулаками не деремся?

Он не ответил.

– Разумеется, мы дрались голыми кулаками. Когда только приехали сюда. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – В Лондон.

Эти слова стали для него ударом, куда более мощным, чем любой, какой она могла нанести ему хоть перевязанными кулаками, хоть голыми. Напоминание о том, с чем они столкнулись, когда прибыли сюда. И он застыл неподвижно под их тяжестью.

¹ Grace (англ.) – Грейс; светлость, милосердие, благодать.

– Я до сих пор помню ту первую ночь, – продолжала она. – Мы спали в поле, сразу за городом. Было тепло, мы лежали под звездами и ужасно боялись, но я никогда не ощущала такой свободы. Такой надежды. – Она посмотрела ему в глаза. – Мы освободились от тебя.

Еще один удар, едва не сбивший его с ног.

– В том поле я зашила лицо Девону – иголкой, которую стащила, когда мы убегали из особняка, и ниткой, вытасченной из собственного подола. – Она помолчала. – Мне даже в голову не пришло, что для поисков работы может потребоваться целая, не рваная юбка.

Он закрыл глаза. Господи Иисусе. Они подвергались такой опасности.

– Не важно, – проговорила она. – Я училась очень быстро. После трех дней бесплодных поисков работы, которая прокормила бы всех нас троих – ни приличной еды, ни крыши над головой, – мы поняли, что выбор у нас весьма ограничен. Но я... я же девочка... и у меня имелся на один вариант больше, чем у Дева и Уита.

Эван со свистом втянул в себя воздух. От ярости у него сжались челюсти и выпрямилась спина. Они убежали вместе, и единственное, что его утешало – то, что они смогут защитить друг друга. Что его братья уберегут ее.

Она посмотрела ему в глаза и выгнула темную бровь.

– Мне не пришлось выбирать. Диггер нашел нас довольно скоро.

Он отыщет этого Диггера и выпотрошит его.

Она усмехнулась.

– Ты бы поверил, что существует рынок детских боев? – Грейс закончила бинтовать запястье. Она подошла ближе, и ему показалось, что он уловил ее аромат – лимонный крем и пряности. – Это то, что все мы умели делать, верно?

Умели. Они учились этому вместе.

– В тот первый вечер Диггер не дал нам обмоток. Видишь ли, они не только для того, чтобы защищать костяшки пальцев. Обмотки удлиняют бой. Он проявил доброту – думал, что бои закончатся быстрее, если мы будем драться голыми руками. – Грейс помолчала. Он видел, как ее захлестывают воспоминания, видел, что она гордится собой. – Быстрее они не закончились.

– Ты победила.

Голос прозвучал хрипло, словно он не разговаривал целый год. Двадцать лет.

Может, и так. Он не помнил.

Ее взгляд метнулся к нему.

– Разумеется, победила. – Она помолчала. – Я училась драться вместе с лучшими из них. Училась драться грязно. У мальчика, который победил, даже если это было худшим из предательств.

Эван как-то умудрялся не вздрагивать при этом повествовании, сочившемся презрением. При воспоминании о том, что он сделал, чтобы победить. Он поймал ее взгляд, прямой и искренний.

– Я благодарен за это.

Она не ответила, лишь слегка приблизилась к нему и продолжила рассказ:

– Им не понадобилось много времени, чтобы дать нам прозвище.

– Бесперчаточники. – Он помолчал. – Я думал, это относится только к ним.

К Девону и Уиту; у первого через всю щеку тянется ужасный шрам, который оставил ему Эван, а у второго кулаки, что камни, особенно если им движет ярость, которую Эван сумел пробудить в ту далекую ночь. Только к двум мальчишкам, теперь мужчинам, ставшим контрабандистами. Боксерами. Преступниками. Королями Ковент-Гардена.

А все это время с ними была и королева.

Уголок ее рта приподнялся.

– Все думают, это только они.

Грейс стояла так близко, что к ней можно было прикоснуться, и не будь у него связаны руки, он бы так и сделал. Просто не смог бы сдержаться, когда она здесь, такая близкая, возвышающаяся над ним.

– Мы выбрались из грязи и построили свое королевство здесь, в Ковент-Гардене, в том месте, которое когда-то было твоим.

Она помнит.

– Я думала об этом, когда изучала извивы Уайлд-стрит. Когда забиралась на крыши, подальше от воров и сыщиков с Боу-стрит. Когда срезала кошельки на Друри-лейн и дралась до крови на передвижных рингах Трущоб.

Он снова попытался ослабить веревки, но освободиться не мог, слишком надежно его связали. А затем свобода стала невозможной, потому что она уже тянулась к нему. Собиралась к нему прикоснуться. Кончики ее пальцев погладили щеку, оставив за собой полыхающий след. Он резко втянул в себя воздух, когда ее ногти царапнули многодневную грубую щетину на подбородке. Он замер, боясь, что, если шевельнется, она остановится.

«Не останавливайся».

Она не остановилась. Пальцы ее нырнули ему под подбородок, приподняли голову. Ее лицо оставалось в тени, укрытое кудрями. Она глубоко заглянула ему в глаза, словно гипнотизируя взглядом.

– Как ты на меня смотришь, – негромко произнесла она, едва слышным и полным недоверия голосом.

Но ей придется поверить. Разве раньше он не так на нее смотрел?

Господи, она подошла еще ближе, склонилась над ним, загоразивая свет. Став светом.

Ее глаза видели каждый его дюйм, исследовали его, обнажали. И он не мог удержаться, пока она все приближалась и приближалась, и пульс его бился все лихорадочней, а комната исчезла, и не осталось ничего, кроме них двоих, а затем исчез и он, и не осталось ничего, кроме нее.

– Они скрывали тебя от меня.

Она покачала головой, и его окутал ее аромат, как сладость, которая у него когда-то была, а он помнил ее, и больше никогда не мог такую отыскать.

– Никто меня не скрывал, – сказала она. Боже, как она близко. Прямо здесь, губы полные, идеальные, всего на волосок от него. – Я сама о себе забочусь.

Он опять попытался разорвать веревки, прямые, как сталь, и такие же твердые. Он отчаянно желал сократить расстояние между ними. Как давно он в последний раз прикасался к ней? Сколько времени о ней мечтал?

Целую жизнь.

Ее глаза, устремленные на его губы, почернели от желания, и он облизнул нижнюю губу, так же точно зная, что она хочет его, как знал собственное дыхание. Она хочет его так же сильно, как он ее.

Невозможно. Никто не может ничего хотеть так же сильно, как он жаждет ее.

«Сделай это, – мысленно взмолился он. – Господи, пожалуйста. Поцелуй меня».

– Я нашел тебя, – произнес он, как молитву.

– Нет, – мягко возразила она. – Это я тебя нашла, Эван.

Услышав свое имя – имя, которое больше никто не произносит, – он содрогнулся. И не смог удержаться, в ответ прошептал ее имя.

Ее взгляд, как подарок, снова устремился к его глазам.

Да.

– Сделай это, – сказал он.

«Все, что тебе нужно. Абсолютно все».

– Что тебе нужно, Грейс? – прошептал он.

Она наклонилась над ним, и он возжелал ее сверх всякой меры.

Два удара, резких и настойчивых, откуда-то из темноты. Он мгновенно узнал Дьявола, своего брата по крови.

А с ней его связывают братские узы, основанные на чем-то, куда более сильном.

Грейс отскочила мгновенно, словно ее дернули за веревку, и, лишившись надежды на ее прикосновения, он едва не обезумел. Эван повернулся на звук и негромко зарычал, как пес, перед которым поставили миску с едой, но в последний миг убрали.

– Он сказал мне, что ты умерла, – произнес он, снова поворачиваясь к ней, отчаянно желая, чтобы она снова приблизилась. – Но ты не умерла. Ты жива, – проговорил он. Затем еще раз, не в силах скрыть облегчение в голосе. Благоговение. – Ты жива.

Она прищурилась, оставшись непреклонной.

– Ты пытался убить его.

– Он сказал мне, что ты умерла!

Разве она не понимает?

– Ты едва не убил любимую женщину Зверя.

– Я думал, они позволили тебе погибнуть! – Он едва не сошел с ума от этой мысли.

«Не едва».

Она покачала головой.

– Этой причины недостаточно.

Он вскинул подбородок, из горла его вырвался грубый смешок. Уж он-то разнес бы на клочки Лондон в жажде отмщения за ее смерть.

– Ты права. Этого было недостаточно. Это было просто все. – Он посмотрел в ее глаза, теплые, карие – глаза, повзрослевшие, как и все остальное в ней. – И я бы сделал это снова. Развяжи меня.

Она долго молча смотрела на него.

– Знаешь, я думала о тебе, когда брела по этим булыжникам и училась любить их. Училась защищать их, словно это я родилась в сточной канаве Ковент-Гардена, а не ты.

– Развяжи меня. Позволь...

«Позволь обнять тебя. Позволь прикоснуться к тебе».

Она его не слушала.

– Я думала о тебе... до тех пор, пока не вычеркнула тебя из своей жизни. – Она помолчала, давая ему как следует проникнуться ее словами. – Потому что ты перестал быть одним из нас. Верно, герцог?

Грейс вонзила в него этот титул, как нож, но он и виду не подал.

Вместо этого Эван сделал то единственное, что пришло ему в голову.

Единственное, что, как ему представлялось, могло удержать ее рядом с ним.

Единственный дар, который она могла принять от него.

Он посмотрел ей прямо в глаза и произнес:

– Развяжи меня, и получишь бой, которого ты так хочешь.

Глава 6

Бой – вот чего она ждала.

Она стояла на верхнем этаже здания, которым владела, в мире, в котором царствовала, – в мире, когда-то являвшимся его миром, – смотрела прямо в глаза своим братьям и говорила им, что жаждет отмщения.

Это было единственное, чего она желала, если быть честной.

Все остальное – все, чем она владела, и все, чем она была, служило лишь средством к достижению цели. В конечном счете, это было то единственное, что полностью принадлежало ей. Все прочее – дом, дело, братья, люди из Трущоб – все это было общим. Но месть принадлежала только ей.

С момента рождения ей не принадлежало ничего. У нее украли имя. Будущее. Мать, которую она любила. Отца, которого она так и не узнала. А после она нашла добро в мире. Те самые вещи. Счастье. Любовь. Тепло. Безопасность. И все это исчезло. Отнято у нее. Единственным человеком, которого она когда-либо любила. Ведь взамен он мог получить целое герцогство.

Именно такое обещание дал мальчикам их отец, когда привез своих сыновей, единокровных братьев, в загородное имение. Они будут, как собаки, биться за титул, не принадлежавший никому из них. Титул, который даст им огромное состояние и власть – достаточно, чтобы полностью изменить их жизнь.

Сначала состязание было даже приятным. Танцы и светская беседа. География и латынь. Атрибуты аристократии. Причем о существовании братьев знали только герцог, бесконечная череда слуг и наставники. Но затем все поменялось к худшему, и речь пошла уже не столько об учебе, сколько о страданиях. О том, что герцог называл «душевная стойкость».

Вот тогда мальчиков от нее отделили... их держали в темных комнатах. В холоде. В изоляции.

А потом их заставили драться друг с другом. Ценой победы была власть. Богатство. Будущее. Имя, данное при крещении ей: Роберт Мэтью Каррик, граф Самнер. Будущий герцог Марвик.

Мало кто знал, что младенец на руках у кормилицы – девочка. А те, кто знал... их слишком запугал герцог, чтобы они могли проговориться о том, как он нарушил законы Бога и страны.

Но это не имело никакого значения, ведь в конце концов имя перешло к мальчику. Мальчику, который победил, хотя Грейс, Уит и Девон сбежали раньше, чем он успел выполнить последнее задание.

Они пытались все забыть, строя свою семью и свою империю без него. Но никто из них не мог найти покоя, во всяком случае до тех пор, пока Дьявол и Зверь не встретили любовь.

Но Грейс покоя так и не обрела.

Однако он придет к ней сегодня ночью, когда она выполнит обещание, данное братьям, и поставит его на колени посреди улицы. И взамен него клятву, что он никогда их больше не тронет. Он потратил годы, разыскивая их (ее), а они провели годы, скрываясь от него. Настало время понять – того, что он ищет, не существует. Уже двадцать лет...

Вспыхнуло воспоминание – Девон и Уит кричат на Эвана, который надвигается на нее с ножом в руке. В тот раз она была недостаточно проворна. Застыла, поняв, что он может по-настоящему ее ранить. Не важно, что ему пообещал чудовище-герцог, – Эван сказал, что любит ее. Они все поклялись защищать друг друга. Сколько раз все три брата дрались, как один? Сколько планов составили они вчетвером в ночной темноте?

Сколько обещаний дали двое из них?

Будущее. Семья. Безопасность. Любовь.

Ничто из этого не имело значения в ту ночь. Только не когда на карту было поставлено герцогство и он почти держал его в руках. Эван выиграл ту битву, а вместе с ней власть и привилегии, что делало остальных в лучшем случае бесполезными, а в худшем – опасными.

А самой опасной из всех была Грейс, поскольку представляла собой доказательство того, что Эван – ныне Роберт Мэтью Каррик, граф Самнер, герцог Марвик – фальшивка. Мошенник.

Когда Грейс, Уит и Девон стали сильнее, когда создали себе имена из сажи и копоти Трущоб, где жили до сих пор и где каждый из них сумел построить бизнес, дававший работу сотням и приносящий сотни тысяч, они поняли, что сделали себе не просто имена. Они воздвигли стену могущества, чтобы защитить себя от неизбежного – появления этого человека, их врага, ведь они знали, что однажды он явится за ними, единственными людьми на земле, кто знал его тайну... тайну, которая приведет его на виселицу как государственного преступника.

Решающая точка будет поставлена сегодня. Сейчас. От руки Грейс, под внимательным взором братьев.

Но прежде, чем покарать, она к нему прикоснулась.

Она не знала, почему.

Не потому что хотела.

И поцелуй... этого она тоже не хотела.

«Ложь».

Она не хотела желать этого.

Но там, в темноте подвальной комнаты, под приглушенные звуки бушующей наверху вечеринки, она не смогла устоять. Когда-то он был красивым мальчиком – выше других, художавым, выносливым, с внимательными янтарными глазами и неторопливой, непринужденной улыбкой, способной увлечь любого пойти за ним хоть на край земли. И все они только этого и желали.

Эван. Мальчик-король.

Улыбки больше нет. Она спряталась в великолепных угловатых чертах его лица. Все трое – Дьявол, Зверь и Эван – глазами и формой подбородка напоминали отца, но Дьявол вырос высоким и шеголеватым, а Зверь стал массивным борцом с лицом ангела. В Эване не было ни того, ни другого. Он превратился в аристократа – орлиный нос, подбородок с ямочкой, впавшие щеки, благородный лоб... и губы – чистый соблазн.

Грейс была владелицей и хозяйкой дома номер 72 по Шелтон-стрит, самого скрытного, не привлекающего к себе внимания, элитного борделя для дам в Лондоне: места, известного тем, что здесь привередливым клиенткам на выбор предлагались мужчины, каждый из которых казался совершенным образцом мужественности. Она считала себя знатоком и ценителем красоты. И торговала ею.

А он был самым красивым мужчиной из всех, кого ей доводилось встречать. Чуть более худой для своего роста. С излишне запавшими щеками. С чрезмерной дерзостью во взгляде.

Разумеется, она поддалась искушению. На одно мгновение. На секунду. На долю секунды. Ей бы захотелось поцеловать любого с таким лицом. Прикоснуться к любому с таким телом.

«Опять вранье».

Она прикасалась к нему, потому что больше у нее никогда не будет возможности прикоснуться к мальчику, которого она когда-то любила. Заглянуть в его глаза и, возможно, увидеть в них его, спрятанного внутри холодного, жестокого герцога, каким он стал.

И может быть, если она его там увидит, то сумеет все это остановить. Может быть. Но она ничего не увидела, а значит, никогда и не узнает. А когда отпустит его, уже не будет шансов узнать.

– Развяжи меня, и сразимся, ведь ты этого желаешь.

Слова повисли в воздухе между ними. Она рассматривала его лицо, утратившее все мальчишеские черты – все исчезло в жестких углах мужественности, украдено временем.

Он всегда знал, чего она хочет.

А сегодня ночью она хотела драться. Длинные льняные полоски ткани, плотно намотанные на костяшки пальцев, ощущались не так удобно, как обычно. Они не казались второй кожей, как это было годами, ночь за ночью, когда Грейс выходила на усыпанный опилками пол импровизированных рингов в самых темных, самых грязных помещениях с самой сомнительной репутацией в Гардене.

Они мешали, как двадцать лет назад, когда она впервые перебинтовала костяшки пальцев. Непривычные. Лишние. Она потрясла рукой, обойдя его, наклонилась, вытащила из сапога кинжал и перерезала веревки у него на запястьях.

Высвободившись, он легко поднялся на ноги, словно отдыхал в шезлонге, а не стоял на коленях среди опилок в клубе Ковент-Гардена. Выпрямился с легкостью и мастерством боксера, и этому следовало бы удивиться. В конце концов, герцоги не двигаются, как гладиаторы. Но Грейс отлично знала, что Эван всегда двигался, как боец.

Он всегда обладал живостью и быстротой... лучший боец среди них – умел нанести удар, который, казалось, мог сломать кость, но при этом чудесным образом останавливал кулак так, что он прикасался к тебе, словно перышко. Она видела, что он не утратил своего мастерства. Но сама Грейс... она его только отточила.

Он тренировался там, где тренируют джентльменов. Итон, и Оксфорд, и Брукс, и где там еще учат драться франтов по их аристократическим правилам.

Эти правила не помогут ему в Гардене.

Она следила за его движениями – он, пританцовывая, отступил назад, вышел из круга света, разминая руки, чтобы кровь прилила к пальцам.

Грейс Кондри была ловким уличным бойцом с детства, но победу ей приносила не сила – девочки редко конкурировали в этой области – и не быстрота, хотя, Господь свидетель, она ею обладала. У Грейс имелась способность замечать малейшие недостатки соперника, даже надежно спрятанные. А у этого герцога недостатков хватало.

У него слишком широкий шаг, и при ударе он выскочит за пределы ринга прежде, чем сообразит, откуда прилетел удар.

Он чрезмерно расправляет широкие плечи, излишне раскрываясь для нападения. Ему бы следовало наклоняться, прикрывать широкую грудь.

И еще правая нога, которую он слегка подволакивает... настолько слегка, что замечает только она. Это практически неуловимо – так, легкий намек на хромоту... Рана на бедре, полученная, когда он взорвал половину лондонских доков и невесту своего брата; сейчас уже почти полностью исцеленная.

Она заживет полностью, потому что Грейс искусно ее зашила. Но сегодня ночью ранение будет помехой, и Грейс без колебаний воспользуется своим преимуществом. Два десятка лет назад – час назад! – она пообещала себе и братьям, что отомстит, и теперь отмщение рядом, только руку протяни.

Он обернулся к дальнему углу комнаты, где в темноте, незаметные, сидели Девон и Уит.

– И вы позволите ей драться вместо себя?

– Ага, братец, – отчетливо произнес Дьявол. – Мы бросили жребий. Ей всегда везло.

Эван взглянул на нее.

– Правда?

Она вскинула подбородок и покачалась на пятках.

– Ну я же стою на ринге, верно?

У Эвана на шее задергалась жилка; похоже, он обдумывал, что делать дальше. Грейс ждала, стараясь не обращать внимания на его высокую фигуру, на то, как темно-русые волосы

падают ему на лоб, как его руки и ноги остаются расслабленными, хотя он смотрит прямо на нее, готовясь к бою.

В детстве он был прирожденным бойцом. Таким, каким мечтает стать каждый уличный оборванец Лондона, включая Грейс.

Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Сколько раз ей приходилось драться до сих пор? И практически без проигрышей.

Сердцебиение замедлялось вместе со временем в этой комнате. Он подошел, и она подняла кулаки, готовая начать бой сразу же, как только он сделает последний шаг.

Но он не сделал этого шага. Вместо этого он выбрал другой способ нападения. Такой, к которому она не была готова.

Он начал раздеваться.

Она застыла, когда он поднял руки, взялся сзади за воротник льняной рубашки, вытащил ее из брюк, сдернул через голову и без колебаний отбросил в сторону, прямо в пыль. Она взглядом проследила за упавшей рубашкой.

– Очень дурное обращение с единственным оставшимся у тебя предметом одежды.

– Я заберу ее потом.

Когда Грейс снова взглянула на него, он стоял гораздо ближе, чем ей думалось. Она подавила инстинктивное желание отступить, пытаясь скрыть то, как реагирует на его присутствие на ринге.

Если его лицо не слишком изменилось за последние два десятилетия, то тело преобразилось радикально. Он стал высоким – выше шести футов; широкие плечи, сухощавый, мускулистый торс, слегка поросшая волосами грудь, узкие бедра. Дорожка волос темнела, спускаясь ниже пупка, и пропадала за поясом брюк. Если теплый оттенок кожи о чем-нибудь и говорил, это значило, что свое мастерство он оттачивал на свежем воздухе. Под солнцем.

Занимаясь чем?

Она бы спросила, если бы не отвлеклась на шрам на его левой грудной мышце. Три дюйма длиной, четыре неровные, ломаные бледные линии на гладкой загорелой коже. Шрам ее словно загипнотизировал – доказательство того, что этот мужчина и есть мальчик, которого она когда-то знала. Она была там, когда это случилось.

Его отец оставил ему этот шрам в наказание за то, что он защищал ее. Как напоминание о том, что по-настоящему ценно. Она помнила вкус своего кулака, плотно прижатого к губам в отчаянной попытке сдержать крик, когда острое ножа рассекало его кожу. Но ее крики не остались безмолвными. Он кричал от дикой боли в унисон ее немому воплю.

Через несколько дней, несмотря на то, что буква «М» на коже еще оставалась совсем свежей, он уже не страдал от боли так сильно.

И пришел за ней.

Эта мысль вернула ее в настоящее. К схватке. Взглядом она окинула его грудь, сухожилия на шее, линию подбородка, высокие угловатые скулы – и наконец перешла к глазам, следившим за ней. Но ничего не выдававшим.

И тут он насмешливо улыбнулся.

– Что, нравлюсь?

Она прищурилась.

– Нет.

– Врушка.

От одного этого слова ее обдало жаркой волной. Двадцать лет назад этот жар мог означать удовольствие или смущение. Ясное понимание того, что он разглядел ее сокровенную суть. Но сейчас его вызвал гнев. Досада. И отказ верить, что он по-прежнему видит ее насквозь. Что она, возможно, все еще оставалась той девочкой, какой была много лет назад.

Что он все тот же мальчик.

– Я тебя чувствовал, – произнес он так тихо, что только она одна его расслышала. – Знаю, что ты ко мне прикасалась.

Невозможно. Он находился под действием опия. И все же она не сдержалась и сказала:

– Не я.

– Ты. Это была ты, – настаивал он тихо, надвигаясь на нее с медленной, хищной грацией. – Думаешь, я забыл твои прикосновения? Думаешь, я не узнал бы их в темноте? Я узнаю их и в бою. Пройду ради них сквозь пламя. Узнаю их по пути в ад. Узнаю их в аду, где я томился после того, как ты ушла.

Она проигнорировала сердце, лихорадочно забившееся после этих его слов. Пустых. Бесмысленных. Взяла себя в руки.

– Ты имеешь в виду, после того, как пытался меня убить? – выплюнула она, вскинув голову. – В этом здании, на верхних этажах, полно порядочных мужчин. Мне не нужен умалишенный герцог.

По его лицу пробежала тень и мгновенно исчезла. Ревность? Она сосредоточилась на его приближении. Его уже можно было достать.

Он широко раскинул руки.

– Ну давай же.

Возможно, думал, что она этого не сделает. Может, вспоминал девочку, которую когда-то знал, которая никогда бы его не ударила. Никогда не сделала бы ему больно.

Он ошибался.

Она замахнулась правой, вложив в удар всю свою силу. Кулак с мерзким хрустом соединился с плотью, голова Эвана резко откинулась назад. Она танцующим шагом отскочила, давая ему возможность восстановить равновесие.

Грейс выдохнула, медленно и ровно.

Трость Дьявола дважды одобрительно стукнула об пол в темноте.

Эван поймал ее взгляд.

– Ты всегда умела нанести отменный удар.

– Меня учил ты.

Он помнил. Дни, проведенные на поляне в имении неподалеку от Бергси-Хауса, когда они вчетвером готовили заговор против герцога, поклявшегося украсть у них не только детство, но и будущее. Дни, когда они давали свои обещания – тот, кто победит в турнире герцога, защитит остальных. Тот, кто станет наследником, оборвет этот род.

Их собрали там вместе, потому что других вероятных наследников не было – ни братьев, ни племянников, ни дальних кузенов. После смерти последнего Марвика его многовековое герцогство должно вернуться Короне. Трое мальчиков были единственным шансом продолжить род.

И они задумали лишить его этого.

Он никогда не победит, поклялись они. Даже в далеком будущем.

Грейс видела, что он вспомнил эти дни, когда они так усердно трудились, чтобы продумать и прорепетировать хореографию боев – идея Эвана, позаимствованная на театральных подмостках, которые драила его мать на Друри-лейн. Так они собирались провести бои, которые навязывал им отец. Он знал, что не сможет уберечь братьев от всех козней герцога, но хотя бы мог защитить их друг от друга.

И Эван это делал. До поры...

Эта мысль заставила ее снова пустить в ход кулак. Годы ярости и бессильной досады вылились в удар под ребра – и сразу за ним второй. От третьего удара он отлетел назад, за пределы ринга, туда, куда не доставал свет.

Только тут Грейс сообразила, что он не блокирует ее удары. Она остановилась. Отступила назад. Провела носком сапога черту в опилках. Подняла кулаки.

– Подойди к черте, герцог.

Он шагнул вперед, встал напротив, но кулаки не поднял.

Вспыхнул гнев.

– Бейся.

Он помотал головой.

– Нет.

Она опустила руки, отвернулась от него и пересекла ринг, отойдя подальше. Из темноты послышалось грязное, грубое ругательство. Зверь рвался в бой. Она схватилась за стенку ринга – шероховатая поверхность деревянных планок, царапнувшая голые пальцы, показалась приятной.

На сколько таких рингов она выходила? На скольких побеждала, причем благодаря этому человеку? Сколько ночей плакала, думая о нем, пока ею не овладевал сон?

– Я ждала этого двадцать лет, – сказала она. – Этой расплаты. Моего отмщения.

– Знаю. – Он стоял сзади. Ближе, чем она могла предположить. – И я дарю его тебе.

Она повернула голову, взглянула на него через плечо.

– Думаешь, ты мне его даришь? – Она засмеялась безрадостным смехом и повернулась к нему лицом. – Думаешь, ты способен подарить мне то, чего я хочу? Думаешь, можешь предложить мне отмщение? Твое собственное наказание? Твое уничтожение? – Она толкнула его обратно на ринг. – Какая чушь. Ты, укравший у меня все. Мое будущее. Мое прошлое. Мое чертово имя. Что, воображаешь, если ты проведешь ночь на ринге, не сопротивляясь моим ударам, то получишь прощение? Думаешь, прощение – это приз?

Она вышибла его из равновесия и видела это. Он застыл, и она ударила его.

– Вот тебе за то, что ты сделал с Уитом, угрожая его леди. – Еще раз. – А это за саму леди, и тебе повезло, что она не погибла, или я бы позволила ему убить тебя. – Сильный удар в живот, и он вновь не стал его блокировать. Грейс было плевать. – А этот за леди Дьявола, которую ты хотел обесчестить. – Еще два быстрых, один за другим. Она дышала чаще, на лбу выступили бисеринки пота. Жаркая ярость поддерживала ее. – Эти за Дьявола. Один за то, что ты оставил его умирать на холоде в прошлом году, а второй за шрам, который оставил на его лице двадцать лет назад. – Она помедлила. – За мной – такая же отметина.

Он принимал все ее удары. Снова и снова, и она подпитывалась его бездействием, распахивая свое пламя. Еще удар, и у него из носа пошла кровь.

– А этот? Этот за мальчишек, которых больше нет в Трущобах по твоей вине. Их нет, потому что твои прихвостни жаждали крови. Потому что ты вышел на свою безумную охоту ради собственной безопасности.

Он насторожился. Поднял янтарные глаза, мгновенно поймав ее взгляд.

– Что ты сказала?

– Что слышал. – Она сплюнула. – Ты долбанный монстр. Заставил всех нас прятаться от тебя, потому что тебе было мало получить от нас все, чего ты хотел. Тебе требовались еще и наши жизни.

Она отвернулась от него, пошла на другую сторону ринга.

– Сзади!

Крик Зверя заставил ее круто повернуться. Эван летел на нее через ринг, и прежде, чем она успела дать отпор, он схватил ее за талию, поднял, отнес к стенке и прижал к ней. Не с силой – примени он силу, она бы даже обрадовалась. Возможно, пришла бы в восторг, почувствовав достойного противника.

Они застыли в немой сцене, дыша быстро и тяжело, почему-то синхронно. Его губы почти прижимались к ее уху, так близко, что она не только слышала, но и ощущала его прерывистый шепот:

– Я пришел не ради себя. Я пришел за тобой. Я поклялся, что отыщу тебя? Сколько раз я тебе обещал, что найду тебя?

«Я найду тебя, Грейс. Ты только береги себя, а уж я тебя найду».

Клятва, которую через десятилетия прошептал мальчик, которого больше не было.

– Я никогда не переставал тебя искать, – сказал он, скользя губами по ее виску. По волосам.

Она ахнула. Как он умудряется по-прежнему пахнуть кожей и черным чаем? После стольких дней, проведенных в запертой комнате наверху? Почему она по-прежнему так его ощущает? После стольких лет, пока она считала его врагом?

Почему он распалает в ней пламя?

– Я всегда, всегда тосковал по тебе, – прошептал он, обдавая ее жарким дыханием.

Заставляя ее желать.

«Нет». Она этого не допустит.

Грейс начала извиваться, пытаясь ослабить его хватку. Руки оставались достаточно свободными, чтобы лупить его кулаками по голове и плечам, но из этого положения особого вреда она ему нанести не могла.

– Они сказали мне, что ты умерла.

Грейс почувствовала боль в его словах, и на какой-то дикий, необъяснимый миг ей захотелось его утешить.

– Нога! – проорал Дьявол из темноты, вырвав ее из безумного оцепенения.

Он заметил то, что она знала с самого начала. Слабость. Пнуть как следует по ране на бедре, и она поставит Эвана на колени. Он ее отпустит. И все закончится.

Она опустила руку к шарфу на талии. Намотала его на кулак.

– Они сказали тебе правду. Та девочка умерла. Убита мальчиком, которому она доверяла, а он накинута на нее с ножом, готовый на все, лишь бы победить.

Она дернула шарф, вытащив его из колец, и, удерживая утяжеленный конец, взмахнула шарфом, и другой его конец широкой алой дугой взмыл над их головами. Она поймала его второй рукой и натянула. В одно мгновение прочная ткань оказалась у Эвана на горле, столь же опасная, как кинжал в руках опытного воина.

Годы напролет Грейс постигала этот прием.

Он потянулся к шарфу – движение естественное и очень ошибочное. Она крутанула запястьями, и его руки оказались замотанными в шарф, обездвиженные, как в наручниках. У него не оставалось выбора, кроме как отступить и опустить руки.

– Отпусти меня.

Вместо этого она затянула шелковый узел, зная, что теперь он не сможет двигать руками.

– Я бы никогда тебя не убил, – сказал он. – Никогда бы не сделал тебе больно.

Она прищурилась.

– Какое вранье.

– Это правда.

– Нет. – Она сплюнула. – Ты уже сделал мне больно.

Говорила она о прошлом или о настоящем?

Он прорычал что-то бессвязное. Грейс не обратила на это никакого внимания.

– Но самое главное, ты сделал больно им. Полдюжины сломанных ребер у Уита и Девон с раной на лице, которая могла его убить. Он бы умер если не от потери крови, то от горячки. Забыл, что я тоже была там? И видела, как ты превратился в это? – Она смерила его взглядом с ног до головы и обратно. Так смотрят на крысу или таракана. – Я следила за тобой, Эван. Я следила, как ты превращаешься в это. Видела, как ты становишься герцогом. – Она почти выплюнула это слово. – Я видела, как ты выбрал проклятый титул, а не нас, людей, которые должны были стать твоей семьей.

Пауза. Он поймал ее взгляд.

Но заговорить не успел, она его опередила:

– Ты выбрал титул, а не меня. И этим ты меня убил. Девочку, какой я была. Все, о чем я мечтала. Это сделал ты. И уже никогда не сможешь получить все это обратно. – Она помолчала, не давая ему отвести взгляд. Желая, чтобы он услышал все до последнего слова. Чувствуя, что ей самой необходимо это услышать. – Ты никогда ее не вернешь. Потому что она умерла.

Грейс увидела, что ее слова попали в цель.

Увидела, что правда этих слов пронзила его насквозь.

Увидела, что он поверил ей.

Отлично.

Она отвернулась, сосредоточившись на боли в костяшках пальцев – доказательстве того, что столь желаемое отмщение состоялось.

Отказываясь признавать другую боль – ту, что доказывала нечто иное.

Ее братья, как часовые, стояли за пределами ринга; двое мужчин, которые будут защищать ее без малейших колебаний. Двое мужчин, что защищали ее все эти годы.

«Они сказали мне, что ты умерла».

Отчаяние этих слов эхом отдалось в ней.

– Грейс! – закричал он, стоя в центре ринга, и она повернулась, чтобы посмотреть на него, залитого золотистым светом, невероятно красивого даже сейчас, даже потерпевшего крах.

Из теней позади него материализовалась Вероник, по бокам которой стояли две женщины с мускулами, способными посоперничать с любыми мужскими бицепсами Ковент-Гардена. Они подошли и схватили его. От их прикосновения он словно взбесился, начал яростно вырываться, не отводя глаз от Грейс.

У него не оставалось ни единого шанса. Женщины были куда сильнее, чем казались, и не его первого выкидывали из дома номер 72 по Шелтон-стрит.

И не последнего.

Эван выругался и выкрикнул ее имя второй раз.

Она проигнорировала свое имя, сорвавшееся с его губ. Проигнорировала свою память о них.

– Тебе следовало выбрать нас.

Она имела в виду их троих – себя, Зверя и Дьявола, верно?

Тут он замер, каким-то образом сумев отыскать ее взгляд в темноте.

– Я и выбрал нас, – сказал он. – Ты должна была стать герцогиней.

«Мы поженимся, – пообещал он ей целую жизнь назад, когда они по юности своей не знали, что этому не суждено было случиться. – Мы поженимся, и ты станешь герцогиней». Наивное обещание, данное девочке, которой больше не существует, мальчиком, которого и вовсе никогда не было.

Воспоминание об этих двоих могло бы опечалить Грейс, но она уже столько грустила об Эване, что этого хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Пусть печаль останется в прошлом.

Она повернулась к нему, вся в настоящем. Больше нет никакой Грейс. Есть только Даля.

– С чего бы мне соглашаться на герцогиню? – спросила она. – Я родилась герцогом.

Слова попали в цель.

– Не возвращайся, – посоветовала она. – В следующий раз тебя будет ждать не столь теплый прием.

С этими словами она повернулась спиной к прошлому и ушла.

Глава 7

Дом номер 72 по Шелтон-стрит

Год спустя

– Тебя это непременно заинтересует.

Далия как раз вошла в кухню дома номер 72 по Шелтон-стрит, чтобы проверить блюдо с птифурами, предназначенным для одной из комнат на верхнем этаже клуба. Она приостановилась.

– По моему опыту, слова «тебя это непременно заинтересует» редко предваряют что-нибудь хорошее.

Она одобрительно кивнула, убедившись, что пирожные безупречны, и повернулась к Зеве.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но в данном случае это именно так, – отозвалась личная помощница, протягивая Далии лист из бухгалтерской книги. – Мои поздравления.

Хозяйка посмотрела на нижний ряд цифр, затем быстро пробежалась глазами по всему документу, и ее охватило сначала любопытство, потом удивление. Стремясь убедиться, что никаких ошибок нет, она пересчитала длинную колонку цифр. Зева лукаво улыбнулась.

– Самый доходный месяц клуба.

– Боже, храни королеву, – тихо произнесла Далия, входя в овальный салон, расположенный в центре клуба, и снова проверяя цифры.

Королеву Викторию возвели на трон всего несколько месяцев назад, и коронавание монарха-женщины не только продлило лондонский сезон на все лето и даже осень. Оно вселило в прогрессивных дам города веру в то, что они смогут делать все, чего пожелают, а это, в свою очередь, принесло нежданную удачу Далии, поскольку ее бизнес именно этим и обеспечивал женщин.

– Ну, я бы особо не обольщалась, – сказала Зева. – Не сомневаюсь, она будет достаточно жестким монархом, под стать своим дядьям.

– Вне сомнения, – отозвалась Далия. – Власть любой ценой – единственная неоспоримая реальность для лидера.

Зева согласно хмыкнула. Они пересекали большую овальную комнату, и юбки помощницы насыщенного красновато-лилового цвета, прошитые серебряной нитью, мерцали, задевая темно-синие брюки Далии.

Овальный салон дома номер 72 по Шелтон-стрит был одним из самых роскошных в Лондоне, с отделкой в насыщенных синих и зеленых тонах, с шампанским и шоколадом на каждом шагу. Все это было лишь прелюдией к основному блюду, ради которого клиентки слетались сюда со всего Лондона.

Далия взыскательным взглядом обвела салон, предназначенный сразу для нескольких целей. Членов клуба приводили сюда, пока подготавливали комнаты наверху, расставляя там заказанные блюда, напитки и различные запрошенные аксессуары.

Ожидая, леди могли перекусить (кухня дома номер 72 по Шелтон-стрит славилась разнообразными деликатесами), и Далия обязательно проверяла, чтобы в буфетах хватало закусок, которые предпочитали постоянные клиентки.

Все пожелания записывались и исполнялись, причем с величайшей осмотрительностью. Одна леди предпочитала зеленую кушетку у окна; вторая испытывала отвращение к орехам; третья садилась в самом темном углу – она страшно боялась, что ее могут узнать, но устоять перед притяжением клуба не могла.

Не то чтобы узнать тут кого-то было легко. Даже в самые спокойные дни членам клуба рекомендовалось носить маски, чтобы обеспечить анонимность. Новые члены часто выбирали

личины не особенно замысловатые, иногда совсем простые, вроде черного домино; но многие маски были великолепно украшены с расчетом подчеркнуть могущество и богатство женщины, не выдавая при этом, кто она такая.

В данный момент в салоне находились шесть дам, наслаждавшихся дружеским общением.

Каждую гостью сопровождал безумно влюбленный компаньон, одетый согласно фантазии леди. Мэтью в красивой солдатской униформе развлекал пожилую старую деву в расшитой бисером розовато-лиловой маске. Лайонел в черном вечернем костюме, способный перещеголять самого Браммела², нашептывал что-то на ушко юной жене престарелого графа. И Томас в свободной рубашке и облегающих бриджах, длинные волосы заплетены в косу, на глазу черная повязка – развлекает леди с невероятно богатым воображением... кто может точно знать, чего именно она хочет? Только Томас.

Послышался смех – громкий, неподдельный и уж точно куда более свободный, чем его мейфэрский близнец. Далии не требовалось смотреть, чтобы узнать – это некая вдовствующая маркиза хохотала вместе с замужней баронессой, которую любила с самого детства. Позднее они поднимутся в верхнюю комнату и предадутся наслаждениям.

В дальнем конце овальной комнаты, там, где окна выходили на Гарден, Нельсон, истинный Казанова (его таланты особенно щедро оплачивались), склонился над ухом сказочно богатой вдовушки. Этой графине было далеко за пятьдесят, и появлялась она в доме 72 по Шелтон-стрит, только если Нельсон был свободен.

Они рассмеялись (несомненно, он сделал ей очередное непристойное предложение) и жестом подозвали лакея, державшего серебряный поднос с шампанским. Встав, Нельсон помог даме подняться, взял в одну руку два бокала, а другой подхватил под локоток увядшую прелестницу и повел ее наверх, в ожидавшую их комнату. Путь их пролегал мимо Далии с Зевой, но Нельсон не удостоил хозяйку клуба и взгляда – все его внимание было приковано к даме.

– Что-то мне подсказывает, – негромко произнесла Далия, когда за парочкой закрылась дверь в апартаменты, – что скоро Нельсон покинет нас ради лучшей доли.

– Предчувствия тебя не обманули. На этой неделе он освобождался ради нее каждый вечер... – отозвалась Зева.

Служащим клуба разрешалось самим выбирать клиенток, и хотя регулярные встречи с одной из них не считались чем-то из ряда вон выходящим, все же ежедневные свидания определенно привлекали внимание.

– М-м-м, – протянула Вероник. – Он явно готов... поднять паруса.

– М-м-м... – протянула в ответ Далия, понимая кивнув. – Стало быть, вдовушка обеспечила себе личного адмирала.

Зева фыркнула.

– Не смешно. Так мы растеряем лучшие кадры.

– Напротив. Если Нельсон обретет с вдовушкой счастье, я буду только рада за него. – Далия взяла бокал шампанского и провозгласила тост: – За любовь!

– Далия, пьющая за любовь! – поддразнила ее Вероник. – Уму непостижимо.

– Чушь, – отрезала Далия. – Я просто окружена любовью. Двое братьев наслаждаются домашней идиллией, и взгляните на это. – Она обвела рукой комнату. – Забыли, что я занимаюсь именно ею?

– Ты занимаешься фантазиями, – поправила ее Зева. – А это совершенно другое дело.

– Ну, в любом случае это очень мощная штука, – отмахнулась Далия. – И наверняка где-нибудь химера порождает реальность.

² Джордж Брайан Браммел (1778–1840) – английский денди, законодатель мод эпохи Регентства.

– Тебе бы не помешало немного пофантазировать, – посоветовала Вероник, циничным взглядом окинув сидевшие перед ними парочки. – Выбрала бы себе одного из этих красавцев на постоянной основе.

Далия управляла клубом уже почти шесть лет, решив однажды, что лондонские дамы имеют такое же право получать удовольствие, как и их джентльмены, без стыда и страха, и нет никаких причин отказывать им в этом. Она наняла Зеву и Вероник, и эта тройца превратила дом номер 72 по Шелтон-стрит в дамский клуб, специализируясь на ожиданиях и капризах взыскательной клиентуры. Они наняли лучших поваров, лучший персонал, самых красивых мужчин, каких только сумели отыскать, и создали уголок, где гости в условиях уважения, безопасности, конфиденциальности могли предаваться наслаждениям.

Все, кроме Далии.

Будучи владелицей клуба, Далия не пользовалась преимуществами членства по многим причинам, не в последнюю очередь потому, что мужчины, служившие в клубе (и не важно, как много им платили), работали на нее.

Она раздраженно взглянула на двух своих помощниц.

– Сначала вы.

Этого никогда не случится. Хотя обе они не придерживались тех же правил, что и хозяйка клуба, Вероник была замужем за капитаном корабля и счастлива. Тот, хоть и часто уходил в плавание, но любил ее сверх всякой меры. А Зеве, никогда не остававшейся без компании, все быстро надоело, поэтому отношения она заводила подальше от дома 72 по Шелтон-стрит, чтобы не усложнять все, когда они подходили к неизбежному концу.

– Далии не нужны фантазии, – добавила Зева, насмешливо улыбнувшись напарнице. – Ей и реальность-то почти не нужна, хотя, Господь свидетель, иной раз ей бы это не помешало.

Далия сердито взглянула на Зеву:

– Смотри у меня!

За все эти годы она пару раз находила себе любовников – мужчин, которых так же, как и ее, не интересовало ничего, кроме беззаботного взаимного удовольствия. Но одной ночи зачастую бывало более чем достаточно как для самой Далии, так и для ее кавалеров. Все же она не удержалась и заглотила наживку Зевы.

– У меня реальности хоть отбавляй.

Обе женщины повернулись к ней в удивлении. Первой заговорила Вероник:

– Да ну?

– Конечно. – Она сделала глоток шампанского и отвернулась.

– И когда ты получила последнюю дозу? – с невинным видом спросила Зева. – Реальности?

– Не уверена, что вас это касается.

– Конечно, нет, – усмехнулась Вероник. – Но мы обожаем сплетни.

Далия закатила глаза.

– Не знаю. Я человек занятой. Управляю бизнесом. Плачу вам жалованье.

– М-м-м... – Это было явно не то, чего ждала Зева.

– Да! Это вообще можно назвать империей, если учитывать, сколько девушек расставлены у нас на крышах!

Клуб в доме 72 по Шелтон-стрит являлся центром широкой сети информаторов и шпионов, что помогало Далии быть в курсе всего происходящего и легче вести дела.

– Два года, – бросила Вероник.

– Что?

– Прошло два года с твоей последней дозы реальности.

– А тебе-то откуда знать? – осведомилась Далия, стараясь не обращать внимания на бросившийся в щеки жар.

- Так ведь ты платишь мне за то, что я все знаю.
- Я совершенно точно не плачу тебе за то, чтобы ты лезла в мою...
- Реальность? – подсказала Зева.

– Давайте не будем так это называть! – воскликнула Далия, поставив бокал на поднос проходящего мимо лакея.

Не имело значения, что Вероник права или что прошло уже два года с тех пор, как она искала... общения. Никаких особенных причин для этого все равно не имелось.

- Разве не два года назад герцог Марвик вернулся в Лондон и начал повсюду сеять хаос?
- Неужели? – спросила Далия. Ее сердце пропустило удар. – Не знаю. Я не слежу за герцогом Марвиком.

«В любом случае, он уехал».

- Больше, – себе под нос произнесла Вероник.

Далия прищурилась.

- Что-что?

- Просто отметила, как давно это случилось, – отозвалась Вероник.

– Не так уж и давно, я бы сказала, – добавила Зева, поиграв бровью. – Иначе ее бы уже кто-нибудь как следует удовлетворил.

Вероник фыркнула, Далия закатила глаза.

- А ведь если подумать, здесь все должны быть очень проницательными.

Словно по сигналу, рядом раздался женский визг, затем послышалось громкое «Дьявольщина!», и Далия обернулась, чтобы увидеть, как пират Томас взвалил свою леди на плечо. Юбки ее задралась, обнажив тончайшие шелковые чулки, подхваченные изящными розовыми шелковыми лентами.

Графиня в маске испустила еще один пронзительный, восторженный вопль и принялась лупить Томаса кулачками по широким плечам.

- Отпусти меня, ты, грубиян! Я никогда не выдам тебе, где спрятаны сокровища!

Француз провел рукой по бедру леди так высоко, что Далии почудилось, будто он добрался до самых ее тайных изгибов, и прорычал:

- Я уже знаю, где находится твое сокровище, женщина!

Гости дружно зааплодировали, графиня захихикала, а Томас начал подниматься наверх, в комнату шесть, где сладкую парочку ожидала широкая кровать.

- А между тем, народ все прибывает.

– Верно, сегодня у нас девять неожиданных гостей, все явились без предварительной договоренности.

На эту реплику одна из охранниц Вероник сделала знак подойти к входной двери.

- Ну, давайте взглянем, что там такое происходит, – сказала Далия помощницам.

Нельзя сказать, что члены клуба никогда не являлись без предупреждения. Клуб гарантировал им удовольствие и конфиденциальность, поэтому дамы частенько приходили и уходили, когда вздумается. Но сразу девять женщин – это гораздо больше, чем обычно, и ресурсов клуба могло не хватить.

– Помни: чем больше членов клуба, тем больше власти, – сказала Далия Зеве, пока они быстро шли по коридору. Каждая леди-член клуба становилась потенциально ценным приобретением для Далии и ее братьев, часто бывавших не в ладах с парламентом, Боу-стрит, Мейфэрм и лондонскими доками.

- А комнат наверху тоже прибавится?

- Есть и другие способы развлечься, не обязательно постель, – парировала Далия.

Члены клуба имели доступ к карточным комнатам, к столовым, к театрам и танцевальным залам. Любой каприз, щедро оплаченный, мгновенно удовлетворялся.

Черная бровь вопросительно приподнялась:

– Неужели?

И правда... большая часть дам приходила сюда ради... общения.

– Кто сейчас здесь?

Зева отбарабанила список присутствующих сегодня посетительниц: три богатые замужние леди и две женщины помоложе, обе не замужем, пришли к ним впервые.

– Все они известили о своем визите заранее. Но здесь не только они.

Троица вошла в приемную прежде, чем Далия успела спросить, кто еще. Но расспросы и не требовались.

– Далия, дорогая!

Далия обернулась на восторженное приветствие, уже расплываясь в улыбке и раскрывая объятия приближающейся к ней высокой красивой женщине.

– Герцогиня! – высвободившись из ее объятий, Далия добавила: – И как всегда, без маски.

– О, прошу вас. – Герцогиня Тревескан махнула рукой. – Весь мир знает, что я – ходячий скандал. Думаю, общество будет страшно разочаровано, если выяснится, что я не завсегдатай клуба на Шелтон-стрит.

Далия заулыбалась еще шире. Герцогиня не переоценивала свою репутацию; она была чистой воды веселая «вдова», только вместо умершего мужа судьба наградила ее мужем отсутствующим – исчезнувшим герцогом, не любившим искрометную лондонскую жизнь, предпочтя ей удаленное от цивилизации имение где-то в глуши на островах Силли.

– Я и не надеялась встретить вас раньше, чем настанет ночь Доминиона.

– Чепуха. Доминион – это показуха, моя милая, – ответила та, наклонившись ближе к Далии. – Сегодня – ночь тайн.

– Разоблаченных тайн?

– Не моих тайн, дорогая. Говорят, я – открытая книга. – Она усмехнулась. – Тайн всех остальных.

Далия улыбнулась.

– Пусть так. Что бы вас сюда ни привело, мы благодарны.

– Вы благодарны за клиенток, которых я к вам посылаю, – засмеялась герцогиня.

– И за них тоже, – согласилась Далия.

Герцогиня была одной из их первых клиенток, очень энергичной и чрезвычайно полезной для бизнеса – имела доступ к ярчайшим звездам Мейфэра и активно поддерживала женщин, желавших изучать самих себя, свои наслаждения и мир, который был полон деятельности мужчин. Они с Далией взаимно уважали друг друга, как две женщины, понимающие, что каждая из них обладает огромной властью. Это уважение могло перерасти в большую дружбу, но этого так и не случилось по одной-единственной причине – обе они хранили слишком много секретов.

Секретов, которые ни одна из них даже не пыталась разгадать, за что Далия была особенно благодарна герцогине, поскольку совершенно определенно знала: леди Тревескан с легкостью могла раскрыть ее прошлое.

Прошлое, к которому она ни в коем случае не хочет возвращаться.

Воспоминание навалилось из ниоткуда: глаза цвета двадцатилетнего виски, копна темнорусых волос и твердая, квадратная челюсть, стойчески принимающая ее удары.

Он их заслужил.

Она застыла, на мгновение забыв, кто она и где.

Темные брови герцогини сошлись на переносице.

– Далия?

Далия тряхнула головой, отгоняя прочь ненужные мысли, мгновение помедлила и повернулась к четырем дамам в масках, устроившимся на обитой шелком кушетке. Приветственно им улыбнулась.

– И вы привели сегодня сразу четырех красавиц! Добро пожаловать, леди!

Никто в доме номер 72 по Шелтон-стрит никогда даже шепотом не произнес бы имя или титул члена клуба, но Далия мгновенно узнала всех четырех дам, часто приходивших на Шелтон-стрит без предупреждения, в сопровождении герцогини: леди С., печально известный ходячий скандал (она куда больше любила Ковент-Гарден, чем Мейфэр); мисс Л., синий чулок, вечно говорившая не то, что надо, и теперь враждовавшая с обществом; леди А., спокойная пожилая старая дева, чье чутье могло дать сто очков вперед полудюжине шпионок Далии; и наконец, леди Н., дочь очень богатого, очень рассеянного, очень уступчивого герцога, любовница первой помощницы братьев Далии.

Далия поймала взгляд смеющихся глаз леди Н.

– Я смотрю, вы сегодня без своей подруги.

Та отмахнулась.

– В порт пришел корабль ваших братьев, и впереди у них долгая ночь. Вы знаете не хуже меня, что без нее они просто потонут в трюме. Но для меня это вовсе не повод сидеть дома. Верно?

Бесперчаточники контрабандой, на судах, груженных льдом, провозили в Лондон товары, за которые корона драла огромные налоги. Груз, которые перевозили из порта очень быстро и обязательно под покровом ночи, обеспечивал им доход, полностью законный и при этом нелегальный. Так делались дела в Ковент-Гардене.

– Что ж, мы очень рады видеть вас сегодня у нас, леди. – Далия засмеялась и снова повернулась к герцогине. – Полагаю, вы к нам пришли не ради общения?

Герцогиня едва заметно кивнула:

– Собственно говоря, нет. Мы здесь просто, чтобы ознакомиться новостями.

То есть собрать все сплетни, какие только возможно.

– Что ж, вы будете рады узнать, что этим вечером у нас имеется широкий выбор материалов.

Этих женщин, о которых в бальных залах шептались, что им не светит замужество, с распростертыми объятиями ждали в доме 72 по Шелтон-стрит, где они редко пользовались различными чувственными привилегиями членства, зато держали ушки на макушке в приемных, не пропускали боев, если таковые планировались. Эта группа больше всего ценила информацию.

– На сегодня у нас назначены три боя, милости просим. Правда, ожидается некоторый ажиотаж, большой наплыв гостей. Зева по этому поводу слегка раздражена и ко всему придирается.

Зева на мгновение оторвалась от негромкого разговора с лакеем.

– Ты мне платишь за то, чтобы я придиралась.

Герцогиня рассмеялась.

– Признаюсь, я ожидала, что сегодня меры безопасности у вас будут немного усилены... – Она оглянулась на дверь, которую охраняла пара самых могучих головорезов Ковент-Гардена. – Хотя полагаю, этих двоих вполне достаточно.

Эти двое и еще полдюжины женщин-стрелков на крышах домов, окружающих клуб, но об этом никому не нужно знать, кроме нескольких избранных. И все же:

– А к чему нам дополнительная охрана?

Герцогиня понизила голос и обернулась, окидывая взглядом женщин, устроившихся в разных уголках комнаты, обставленной в насыщенных алых тонах и купающейся в декадентском золотистом свете.

– Я слышала, начались облавы.

Далия обратилась в слух.

– Какие облавы?

Герцогиня покачала головой.

– Не знаю. Но «Другую сторону» закрыли два дня назад.

«Другая сторона» была женской половиной одного из самых посещаемых игорных домов Лондона, и вступали в него в основном женщины из светского общества.

Далия вскинула бровь:

– Ею владеют трое самых любимых обществом аристократов Лондона, которые, так уж получилось, партнерствуют с самыми могущественными людьми, каких вообще знал этот город. И вы думаете, корона решила за них взяться?

Герцогиня загадочно приподняла и опустила плечико.

– Я думаю, Падший Ангел не стал бы закрывать половину своего бизнеса без всяких на то оснований. Они обладают информацией о любом члене своих заведений... и одних этих тайн достаточно, чтобы устроить рейд. – Она помолчала, затем добавила: – Но вы... ведь вам тоже известно множество этих тайн, верно? Услышанных от жен.

В дверях появилась высокая, статная брюнетка в изысканной маске, и Далия поприветствовала ее легким наклоном головы. Затем она негромко ответила:

– Я нахожу, что женщины зачастую знают больше, чем полагают мужчины.

Герцогиня склонила голову набок:

– А также больше, чем мужчины знают, верно?

Далия улыбнулась.

– И это тоже.

Ее слова будто подчеркнул залиvistый смех, раздавшийся с другого конца комнаты, где болтали между собой несколько женщин, ожидавших, когда их проведут дальше в клуб.

– Клянусь, это правда! – настойчиво произнесла одна из них. – Я, значит, прогуливаюсь там, ожидая увидеть привычные лица, и тут появляется он! В Гайд-парке, верхом на великолепном сером.

– Ой, да никого не интересует лошадь, – перебила ее приятельница. – Как он выглядел? Я слышала, он полностью изменился.

– Это правда, – ответила первая. Ее золотистые кудряшки аж подпрыгивали. – И очень даже к лучшему. Помните, каким буквой он глядел в прошлом сезоне?

Далия уже собралась отвернуться от сплетниц, но герцогиня остановила ее, положив на руку ладонь в изумрудной перчатке. Далия искоса глянула на собеседницу.

– Ну не может же вас не интересовать, о каком завидном холостяке судачат кумушки...

Герцогиня улыбнулась, но руки не убрала.

– Порой так любопытно, какие метаморфозы происходят с людьми.

В разговор вступила еще одна участница:

– Он на прошлой неделе появился на балу у Бефетерингстоунов и не пропустил ни одного танца! Я с ним вальсировала – как ловко он ведет даму! И так покорила. А от былой угрюмости не осталось и следа. И эта улыбка!

Общий вздох.

– Как тебе повезло!

Далия закатила глаза.

– Не знаю, кто этот бедолага, но он определенно ищет жену, раз за какой-то год от угрюмости перешел к танцам.

– М-м-м... – протянула герцогиня.

– Мой брат говорит, он целую неделю провел в клубе, представляясь... отцам! – затаив дыхание, заметила одна из леди.

Герцогиня взглянула на Далию:

– Он и впрямь в поиске.

Далия иронично усмехнулась.

– История стара, как мир. И не представляет ни малейшего интереса, разве только мне принести книгу для пари, если хотите сделать ставку.

– Я слышала, он сам собирается устроить маскарад. В среду.

Изящная ручка молодой женщины затеребила край ошеломительной золотой маски, послышалось хихиканье.

– А мы все здесь, и уже в масках!

– Что ж, – послышался ответ. – Всем известно, что маски нужны для флирта и заигрываний. Держу пари, он уже сделал свой выбор. Новая герцогиня появится еще до Рождества. «Герцогиня».

Слово словно рассекло воздух.

«Это не он».

– А вот теперь становится интересно, – негромко произнесла уже существующая герцогиня. – Нельзя сказать, что у нас тут и там валяются неженатые герцоги.

– Нет, – отвлекаясь от подслушивания, отозвалась Далия. – И вам бы не помешало поспешить на тот уединенный остров за своим супругом.

– Он никогда не приезжает, когда его зовешь, – прищелкнув языком, сказала герцогиня. – Но этот...

Любопытство победило.

– Кто он?

Плечико приподнялось, затем опустилось – демонстрация неведения. Тогда Далия заговорила чуть громче, обращаясь к сплетницам:

– Герцог, о котором вы говорите, – осведомилась она, убеждая себя, что это всего лишь праздное любопытство. Убеждая себя, что информация – это валюта, и в этом источник ее интереса. – Имеется ли у этого образца мужественности имя?

Это не он. Этого просто не может быть.

Молодая женщина в простом черном домино отозвалась первой. Казалось, она только и ждала минуты, когда сможет заговорить с Далией. Губы ее изогнулись в улыбке, которая, как правило, сопровождает какой-нибудь замечательный секрет, медленной и непринужденной, словно она обладала всем временем мира.

– Кто он? – повторила Далия резко и настойчиво, не в силах совладать с собой.

Да что с ней за чертовщина творится?

Глаза молодой женщины за маской широко распахнулись.

– Марвик, – просто ответила она.

В ушах Грейс зашумела кровь; жар, досада и гнев затмили ей разум. Это имя пронзило ее сознание. Марвик.

Невозможно. Они ошибаются.

Разве она не прогнала его прочь? Разве он не испарился, не растворился во тьме?

Она повернулась к герцогине:

– Я в это не верю.

Он не мог вернуться. Он ушел год назад и исчез – нет никаких причин для его возвращения.

Ее собеседница плавным, небрежным движением поставила бокал с шампанским на поднос проходившего мимо лакея, не догадываясь о том, как грохочет сердце Грейс. О том, какой ураган бушует у нее в мозгу.

– А почему нет? Каждому герцогу нужна герцогиня.

«Я выбрал титул, чтобы сделать тебя моей герцогиней. Ты должна была стать герцогиней».

– Он приехал, чтобы жениться, – едва слышно проговорила она.

– Какая скука, – отозвалась герцогиня.

О Грейс можно было сказать многое, но скучной она не была.

Господи Иисусе.

Он вернулся.

Он вернулся!

И ураган внезапно утих. Она знала, как действовать.

Далия посмотрела в глаза собеседнице:

– Мне нужно приглашение на этот маскарад.

Глава 8

Не знай она, что бал-маскарад в Марвик-Хаусе устраивает сам хозяин особняка, она бы никогда в это не поверила. В разудалой вечеринке, разворачивающейся перед ее глазами, не было ничего, хотя бы отдаленно подходящего человеку, которого она прогнала год назад.

Тот мужчина счел бы все происходящее на этом приеме фривольным и недостойным потраченного времени. Разумеется, тот мужчина посвятил свою жизнь поискам Грейс. А когда нашел, то обнаружил, что девочки, мечта о которой вела его сквозь годы, больше не существует.

Грейс мучительно пыталась понять, что же привело Марвика в Лондон.

Какие на то имелись резоны?

И в чем причина его волшебного преобразования из мрачного мизантропа в законодателя залов?

Она снова и снова слышала слова той кокетки в клубе.

«Такой красивый... Эта улыбка!.. Как славно он ведет даму в танце!»

Про последнее она знала хорошо. Они учились танцевать вместе – часть изощренного состязания его отца. Как раз для этой цели. Каждому герцогу нужна герцогиня.

И герцог Марвик наконец-то вернулся, чтобы заполнить свою.

«Ты должна была стать герцогиней».

Она старалась прогнать от себя эхо тех его слов, произнесенных год назад. Сопротивлялась желанию вспоминать и вспоминать их, слышать его боль, когда он выкрикивал их на ринге – его последняя попытка завоевать ее снова, хотя она уже сказала ему все. Он никогда ее не вернет.

Потому что больше она не та девочка, которую он когда-то любил.

К тому же давным-давно они поклялись друг другу. Никаких браков. Никаких детей. Никакого продолжения рода Марвика.

А если он вернулся, чтобы жениться? И произвести на свет наследника?

У Грейс нет выбора, она должна остановить его.

А если он преследует какие-то иные цели?

Их также необходимо пресечь. Потому что каждая секунда, пока герцог Марвик находится у всех на виду, ставит их под угрозу. Он украл титул, и все они невольно стали участниками этого преступления. Будь она проклята, если позволит подвергнуть их всех опасности ради того, чтобы он смог добиться чего-то большего – только не сейчас, когда Девон и Уит обрели счастье со своими женами, создали семьи.

Он думает, что может вернуться через много лет с заявкой на свое безоблачное будущее?

Только не после того, как он без колебаний поставил под угрозу их будущее.

Она скрыла от братьев его возвращение, понимая, что они заявили бы на маскарад сегодня вечером. Понимая, что они добивались бы худшего – встречи с Эваном в темноте, чтобы поставить окончательную точку в этой истории. Этого она допустить никак не могла. Смерть герцога не такая вещь, какую можно с легкостью замести под коврик.

Значит, встретиться с герцогом Марвиком на его территории придется ей, Грейс. Выяснить, зачем он объявился, и свершить правосудие.

В конце концов, разве не Грейс приказала ему никогда не возвращаться? Разве не Грейс наносила той ночью удары? И не только физические – их можно вылечить и навсегда забыть, – но те, которые попали в цель. Те, которые обнажили для всех его намерения.

«Легко ли это было?»

Она прогнала эту мысль. Какая разница. Значение имеет только то, что он вернулся, лелея новый замысел, и теперь завоевывает расположение аристократов своей импозантной внешностью, победительными улыбками и умением танцевать. Она положит этому конец.

Грейс нахмурилась, глядя на Марвик-Хаус. Здание занимало почти целый квартал Мейф-эра; она рассматривала притягательные, манящие окна, золотом светившиеся в темноте, дававшие возможность бросить взгляд на тех, кто находился внутри. Она подглядывала за Клеопатрой с Марком Антонием и за пастушкой, остановившейся у окна с посохом в руке, словно ожидая появления овечек.

Пока она рассматривала окна, мимо нее прошествовала группа людей в костюмах шахматных фигур – черный король, белая королева, черный конь, белая ладья. Спустя несколько мгновений появился епископ в маске, и на долю секунды Грейс подумала, что, возможно, он считается очень остроумным дополнением к шахматам, но все мгновенно прояснилось, когда рядом возникла его спутница, наряженная монашкой.

Лондон прибывал на бал-маскарад Марвика толпами, и это помогло Грейс осознать сразу два факта: во-первых, Эван, должно быть, изменился, поскольку в прошлом году Лондон его не принял, несмотря на титул; и во-вторых, такое количество гостей обеспечит ей превосходное прикрытие.

Она войдет в дом, отыщет этого нового, преображенного Эвана, выяснит его цели и планы, и сделает все, чтобы положить им конец.

Она расправила плечи, разгладила изумрудного цвета юбки и проверила, надежно ли держится серебряная маска, украшенная драгоценными камнями, – достаточно большая, чтобы спрятать три четверти лица, оставив на виду только темные глаза и темно-красные губы. А затем шагнула в толпу.

Водоворот гостей увлек ее за собой вверх по лестнице, а затем по длинному извилистому коридору Марвик-Хауса. Движение замедлилось, когда перед ними открылся бальный зал. Вокруг слышались восхищенные вздохи изумления. Слева раздался мужской голос:

– Да... Кажется, Марвик нажил себе немало завистников.

Толпа расступилась, и Грейс увидела зал. Пока она рассматривала затейливое убранство, сердце ее замерло, а затем бешено заколотилось.

Он воссоздал их место.

Небольшой лесок на западной окраине имения Марвика, некогда любимое место Грейс – они все его любили. Бальный зал был его отголоском.

Грейс, совершенно обескураженная, ступила в огромное манящее пространство и подняла взор к потолку – там из моря зеленых растений и экзотических цветов весело подмигивали люстры. Тот, кто готовил декорации к балу, не скупился на расходы, создав полноценный свод из листвы и живых цветов, свисавших довольно низко, что придавало интимности этому огромному, похожему на пещеру помещению.

В дополнение к лиственному своду над головой прямо из пола поднимались три массивных древесных ствола, разбивавших поток танцующих, когда те двигались вдоль зала. Им придали вид дубов, древних, высоко вздымающихся над землей, пробуждающих ощущение природы. Их природы.

Сама того не замечая, она ступила на пол зала и обнаружила, что мраморные плитки покрыты мягким мхом, наверняка стоившим хозяину целого состояния.

И еще одно состояние, чтобы перевезти его сюда. Грейс устала себе под ноги, на зеленые, словно изумрудные, юбки на мху, что сверкал в свете свечей, как летняя трава под ослепительным солнечным светом, и мысли ее спутались. Она забыла о своем деле, о планах на этот вечер. На нее ливнем обрушились воспоминания.

Непрошенные, нежеланные и неизбежные.

Ей снова было тринадцать. Стоял теплый солнечный день, и герцог по каким-то делам уехал из замка, так что они вновь стали свободными детьми. Что такое свобода, мальчики толком не знали, но когда их порочный отец оставлял их в покое, они делали, что могли.

Уит и Девон направились напрямик к речке, где плескались, играли и боролись, как братья, ведь они ими и были.

Грейс какое-то время понаблюдала за ними, а затем пошла в лесок, чтобы отыскать Эвана, ставшего к этому времени чем-то большим, чем просто друг. Ее любовью.

Знал ли он об этом?! Как она могла сказать ему, если они жили, словно на вулкане? Если каждый свой день они проживали исключительно по прихоти его чудовища-отца?

Эван сидел на заросшей мхом земле, прислонившись спиной к самому большому дубу и закрыв глаза. В этом тихом, волшебном месте все звуки звучали приглушенно, но это не имело значения. Он услышал, как она подошла, но глаз не открыл.

– Ты не обязана ходить за мной следом.

Она подошла ближе. Вопли Уита и Девона сделались почти неслышными.

– Я хотела.

Вот тут он взглянул на нее, и глаза его сверкнули странным, неземным светом.

– Почему? Я не такой, как они.

Не такой. Хоть эта троица и родилась в один день от одного отца, растили их разные матери. Эван не был сиротой, как Девон. Но ему не читали книжек и не сулили надежду на образование, как Уиту.

Первые десять лет жизни он провел в борделе Ковент-Гардена, его воспитывали отвергнутая герцогом любовница и дюжина других женщин, которые заботились о нем, когда его мать в дорогих нарядах и с усыпанными драгоценными камнями шпильками для волос шла работать.

Их она не сохранила, но его уберегла, а только это и имело значение, Грейс-то знала.

Грейс знала и благодарила его мать и Господа каждый день.

Они провели вместе восемнадцать месяцев – достаточно долго, чтобы узнать историю друг друга. Точнее, чтобы Грейс узнала их истории. У нее самой истории не было. Во всяком случае, достойной того, чтобы ею поделиться.

Ее история началась, когда мальчики переступили порог Бергси-Хауса. А этого высокого, белокурого она всегда считала чуть ли не волшебником, ведь он сумел в одно мгновение завоевать ее единственной улыбкой. И он руководил их безмолвной битвой с человеком, считавшим, что их судьбы в его руках.

Однако в тот день он был другим. Более серьезным. И Грейс почувствовала, как что-то надвигается, хотя в точности знать этого не могла.

Она опустила перед ним на колени, их обволакивал богатый аромат земли и травы.

– Ты победишь.

Он резко взглянул на нее.

– Ты этого не знаешь.

– Знаю. – Она кивнула. – Знала с самого начала. Ты сильный и умный, и выглядишь так, как надо. Девон слишком злой, а Уит слишком неуверенный. Это будешь ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.